Пока ангелы спят

Автор:
Анна и Сергей Литвиновы

Пока ангелы спят

Анна и Сергей Литвиновы

Агент секретной службы #2

Молодой писатель Алексей Данилов получает заказ от издателя – написать криминально-мистический роман. Воодушевленный обещаниями богатства и славы, Алексей затворяется в своей квартире и принимается за работу. И тут с ним начинают происходить непонятные, странные, пугающие события. Автоответчик передает послания от давно умершего человека… Само собой загорается дерево под его окном… Может быть, это шалит разгулявшееся творческое воображение? Но отчего тогда за квартирой Алексея кто-то устанавливает самую настоящую слежку? И почему, наконец, писателем вплотную начинает интересоваться самая таинственная и засекреченная российская спецслужба?..

Анна и Сергей Литвиновы

Пока ангелы спят

Всякое совпадение событий, описанных в данном произведении, с теми происшествиями, что имели место в реальности, – совершенно исключено.

Пролог

За шесть лет до описываемых событий.

Десять миллионов долларов – это всего-навсего пять «дипломатов».

Или один холщовый мешок.

Босс, правда, ворчал:

– На хрена столько скопили… Не могли хотя бы по «лимону» возить?..

Но Грек предпочитал одну опасную ездку десяти менее рискованным. Он любил получать адреналин в больших дозах.

«Рэйнджровер» мягко стелился по влажному утреннему асфальту. Четверо мужчин во главе с Греком слегка расслабились: до цели не больше десяти километров. Водитель уверенно держал сто сорок. Он ехал по скоростному шоссе и совсем не ожидал, что с проселочной дороги выскочит наперерез джипу побитая жизнью зеленая «копейка».

Удар пришелся точно в бок «Рэйнджровера». Джип отнесло к осевой. «Копейку» сила удара развернула и отчего-то поставила поперек «Рэйнджу».

Из раздолбанной машины вылезла дрожащая длинноногая красотка. Она схватилась за голову и безнадежно спросила:

– Теперь вы меня убьете?

Охрана, вывалившаяся из джипа, пожирала глазами ее бесконечные ноги и стоячие грудки. Грек проглотил готовые сорваться матерные слова. Он подошел ближе. Глаза девчонки горели отчаянным страстным огнем.

Грек успел представить, как он вонзается в нее… и умер счастливым человеком. С охраной было покончено двумя мгновениями позже.

Девушка встала с земли и принялась отряхивать одежду. Сердито сказала двум мужчинам, только что опустившим автоматы:

– Не могли аккуратней? Вы мне чуть голову не снесли, Робин Гуды!..

Наши дни.

15 апреля, суббота.

Четыре часа дня.

Алексей Данилов.

Бывают дни, которые запоминаешь надолго. Навсегда запоминаешь. И этот оказался именно таким.

Хотя с утра ничто – ни единым намеком – не предвещало, что жизнь моя совсем скоро изменится, изменится радостно и трагически, события понесутся галопом, и…

Сегодня выходной, и этот день я посвятил, как и положено мужчине, своему автомобилю.

К трем я разобрал карбюратор, сменил жиклеры и промыл поплавковую камеру. Снова собрал, завел. Моя «копеечка» заработала как часики – тихо-тихо.

Сосед Армен отсалютовал мне бутылкой пива: «Снимаю шляпу!»

Вместо шляпы Арменову голову украшал носовой платок с узелками на концах.

Моего соседа во дворе не любят. Обзывают хачиком. Вот ведь националисты!

На самом деле Армен – классный мужик. Спокойный и умный. Кандидат технических наук, между прочим. И живет в Москве дольше, чем иные

прохвосты. Во всяком случае, дольше меня раза в три – то есть вот уже лет двадцать. Только он один из всего дома хоть немного разбирается в машинах. И двигатель у его «шестерки» работает тихо, без перебоев.

Стоял душевный весенний день. Теплынь. Почки на деревьях набухали прямо на глазах. Такие редкие дни примиряют меня с Москвой.

По детской площадке дефилировали старушенции. Они бдительно наблюдали: не начну ли я мыть машину? Тогда бабульки тут же помчатся домой и станут звонить экологическим ментам:

– Безобразие! Гражданин Данилов загрязняет двор!

А я ведь с ними всегда здороваюсь. И пьянок в квартире сроду не устраивал.

Наш двор хоть и находится в Москве, но смотрится по-поселковому. Дома пятиэтажные, мусоропроводов не имеют. Жильцы носят мусор во двор в контейнеры. Все как в моем родном Южнороссийске. Когда я искал себе квартиру, пересмотрел кучу вариантов. Предлагали места и получше – в столичном понимании этого слова: в домах с большими кухнями и огромными лоджиями. Но одного взгляда на многоэтажные махины мне хватало, чтобы утвердиться в мысли: не хочу жить в муравейнике. Пусть и в комфортном. Мне бы чего попроще. Как здесь, в Новогирееве.

Комнат у меня две, обе маленькие. Кухня игрушечная, метров пять, с огромной газовой колонкой. Удобства – совмещенные. Из ванной-туалета в кухню выходит окошечко. А балкон такой крошечный, что даже кресло не умещается. Только табуретка.

Зато стены в доме толстые, кирпичные. И многих соседей я знаю по именам. Да и Терлецкий парк рядом. Дышится легко.

За свою двухкомнатную малогабаритку я плачу сто долларов в месяц. Для Москвы это считается дешево. Сумма мала оттого, что у моих апартаментов дурная репутация. Про бывших жильцов рассказывают всякие страсти. Будто бы жила здесь тетка вдвоем с сыном. Сынуля-оболтус взял кредит и ввязался в бизнес. Разумеется, прогорел. Кредиторы-бандиты поставили его на счетчик, стали пугать. Парень решил выйти из положения просто: обокрасть соседку.

Залез к ней в квартиру через балкон. И тут же, в этой чужой квартире, его и убили. Не хозяйка, нет. Кто-то другой… Темная история… После этого происшествия лестничная клетка в целом и моя квартира в частности стали пользоваться дурной славой.

Мать незадавшегося бизнесмена уехала куда-то к тетке, в глушь, в Саратов, а квартиру сдала.

Жилье мне подыскала Татьяна Садовникова из нашей фирмы. Она сама живет по соседству, на той же «проклятой» лестничной площадке. Как-то сидела за моим столиком в нашей корпоративной столовке, услышала, что меня гонят из институтской общаги, и предложила. «Давай, – смеется, – составлю тебе протекцию. Если привидений не боишься. Считается – нехорошая квартирка. Риелторы уже трижды цену снижали. Только найдут клиента – к нему во дворе бабки подкатывают. Треплют, что место – проклятое».

Я посмеялся над суевериями и квартиру снял. Привидения ко мне не приходили, призрак убитого должника не являлся, денег не требовал. Спалось хорошо – то ли потому, что кирпичные стены не пропускали ни звука, то ли из-за того, что прямо у моего балкона красовалась роскошная толстоствольная береза.

А рядом с березой я обычно ставлю свою машину – ярко-красную «копейку» 1977 года рождения. Двадцать три годика стукнуло автомобилю – ровно столько же, сколько и мне. «Жигули» вы мои, «Жигули»!.. Легенда, любовь и головная боль миллионов российских мужиков… Собраны по лекалам лучшей машины Европы одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года – «Фиата-124».

От автомобильной моды, конечно, машина отстала лет на сорок. Дизайн эпохи Джины Лоллобриджиды, плащей болонья и фильма «Восемь с половиной». Зато при умелом уходе авто ответственное и надежное. И по песку гонять может, и в дождь особо не скользит, и не ломается – когда я ее об этом прошу. Сколько раз замечал: спешишь, злишься, но скажешь ей: «Давай, крошка, не подведи!» – и она никогда не подводит. Зато на следующий день, когда все дела переделаны и время льется неспешно, обязательно ломается. Словно говорит мне: «Загонял меня, неразумный хозяин, а теперь лечи. Я уже старенькая, мне перегрузки вредны».

Вот и вчера я весь день носился по городу, опаздывал, подрезал… Вернулся поздно, припарковался под березой. Только снял магнитолу и собрался выключить двигатель – машина заглохла сама. И больше не завелась. «Засорился карбюратор», – поставил я предварительный диагноз. И оказался прав.

Армен подошел ко мне:

– Слушай, Леш, время у тебя есть?

– Время есть, – продекламировал я. – Его не может не быть!

– Давай мне момент зажигания выставим, а?

– Кривой стартер имеется?

– Ручка то есть? Да… И пивко найдется.

– А закуска? – Я понял невинную восточную хитрость Армена и подыграл ему.

– Канешно, дарагой! – Армен утрировал, будучи гостеприимным человеком, свой обычно легчайший акцент.

…Я спиной почувствовал: прямо на меня несется машина. Армен, стоявший напротив, переменился в лице – видимо, авто летело быстро и явно намеревалось меня сбить. Я сжал зубы и не обернулся. Яростно взвизгнули тормоза. Армен погрозил пальцем:

– Татьана! Нэхорошо!..

Я неспешно обернулся. Буквально в двух сантиметрах от меня остановился красный «Пежо-106». Прибыла госпожа Садовникова – моя соседка по фирме, а теперь и по лестничной клетке.

Таня вышла из машины, приблизилась к нам, ухмыльнулась:

– Будем на запчасти вашу рухлядь продавать?

Армен никак не мог успокоиться из-за ее лихачества, сказал презрительно:

– А если б тормоз у тебя отказал? Ну как можно женщинам права давать!

– Ничего не случилось, – защитил я соседку. – Таня аккуратно ездит.

– Аккуратно людей сшибает, – проворчал Армен.

На самом деле мне тоже не нравятся такие шуточки. Потому что и тормоза действительно могут отказать, да и глазомер подвести. Пронесется Татьяна с ветерком, сшибет соседа, меня то бишь, и выпадет два казенных дома. Мне – больница, а ей – похуже…

Татьяна по-соседски попросила:

– Слушай, Лешенька, погляди – у меня что-то щетка спадает.

Мне приятно, что я, несмотря на свои двадцать три, и во дворе, и на фирме слыву спецом по машинам. И репутацию свою пока оправдываю. Хотя это требует времени – моего личного времени. Но такова уж судьба новичка, пришельца, провинциала – приходится помогать. Угождать. Но не всем людям без изъятья, конечно, как это делал господин Молчалин. А только людям хорошим.

Я легко переставил щетку на Татьянином пижонском «Пежо». Проворчал:

– Надевать надо правильно.

– Не НАдевать, а Одевать, беллетрист несчастный, – тут же отпарировала Татьяна.

Однажды в порыве откровенности я рассказал Садовниковой, что в десятом классе сделал в диктанте три ошибки в слове «беллетрист» – теперь она меня этим «билитристом» подкалывает – только повод дай.

Жестокие они все-таки, москвичи.

Я на секунду замешкался, раздумывая, чем ее отшить – у Татьяны язычок острый, к тому ж она солиднее меня и по возрасту, и особенно по социальному статусу. Потом я все-таки нараспев вполголоса произнес:

– Платье на-девают, машину о-девают, девушку раз-девают …

Шутка вышла так себе, на три с минусом. Я понял это по тому, как Татьяна гневно сверкнула очами.

Нахмурилась и принялась вытаскивать из багажника пакеты с провизией. Коротко взглянула на меня и пробормотала под нос: «Ну и тяжесть!» Конечно, я пробубнил: «Давай помогу». Она благосклонно кивнула. Я донес до ее квартиры на нашем с ней, третьем этаже супермаркетовые пакеты. Зайти она не предложила. Поблагодарила, улыбнулась и закрыла за собой дверь.

Когда я спускался обратно во двор, заметил, что в моем почтовом ящике что-то белеет. Письмо? Реклама?.. Откуда, непонятно, она взялась? Я весь день во дворе, а не приметил ни почтальона, ни рекламного разносчика.

Я открыл ящик. Внутри оказался конверт, адресованный лично мне. На нем надпись: «С Новым годом!» – и картинка: Дед Мороз в обнимку с мешком подарков. Я усмехнулся – на дворе середина апреля. Мой адрес написан каллиграфическим школьным почерком. На месте отправителя – огромная буква Z.

«В любви объясняются? Или просят денег на аборт? Или анонимка?.. Интересно, какого содержания?» Я нетерпеливо разорвал конверт. Развернул сложенный вчетверо листок.

Текст отпечатан на принтере. На бумаге средненького качества – не на туалетной, но и не на финской. Логотипов, печатей, штампов не имеется. Только два абзаца текста:

Уважаемый Алексей (к сожалению, Вы не указали Вашего отчества)!

Рады сообщить, что в конкурсе, проводимом нашим издательством, Ваш рассказ стал победителем в номинации «Лучшее произведение детективного жанра». Поздравляем Вас. Хотелось бы встретиться с Вами, чтобы вручить полагающуюся Вам премию, а также обсудить перспективы нашего долгосрочного сотрудничества.

Не могли бы Вы прийти к нам в офис в понедельник, семнадцатого апреля, к двум часам дня? Наш адрес: Москва, Большая Дмитровка, дом 8, подъезд 5, четвертый этаж.

С уважением (закорючка-подпись)

главный редактор И. С. Козлов

Секунду-другую я простоял как очумелый и вглядывался, не вполне понимая смысл, в листок. Потом до меня дошло, я подпрыгнул и во все горло заорал: «Йес!» Кажется, я стукнулся башкой о подъездный потолок. Потом исполнил что-то вроде джиги. Черт возьми! Вот оно! Вот оно! Наконец-то пришло! Пришло то, о чем я так долго, еще лет с четырнадцати, мечтал. Меня оценили! Оценили – как писателя! Йес! Йес! Йес!

Я еще раз вчитался в письмо. Все как положено: «…Ваш рассказ стал победителем… лучшее произведение детективного жанра… перспективы нашего с Вами сотрудничества…»

Это вам не газета «Южнороссийский рабочий». И даже не журнал «Бизнес-леди». Это настоящее издательство. Там печатают – книги. Понимаете, книги. И они меня – да-да, меня! – Алексея Данилова, двадцати трех лет от роду, приглашают, чтобы обсудить планы долгосрочного сотрудничества! Йес! Йес! Йес!

Воистину говорят: и большое горе, и большая радость приходят, когда ты меньше всего их ждешь. Я уже успел забыть о том, что пару месяцев назад отослал свой рассказ на конкурс в издательство.

Оставшись жить на птичьих правах в Москве, я положил себе за правило: участвовать во всех творческих соревнованиях – всюду, где только может пригодиться мое писательское или переводческое умение. Я даже писал рассказы и зарисовки (без особого, впрочем, успеха) на темы рекламных фирм, продвигающих продукцию на российский рынок. Сочинял рассказы: «За что я люблю парфюмерию «Кензо», например. Или: «Почему я хочу поехать в Египет». Не счесть денег, что я издержал на почтовые расходы. И вот оказалось – капля камень точит. Я победил! Я, черт возьми, выиграл!

Но моя перехлестывающая через край радость постепенно сменилась унынием. А что, если письмо – это чья-то шутка? Татьяны, например? Или кого-то еще из нашей фирмы? Или, допустим, Димчика? Но ведь я никому, ни единой живой душе, не рассказывал, что участвую в конкурсе!

Тем не менее я не без тревоги перечитал письмо еще раз. Все было на месте: и «уважаемый» (не знаем Вашего отчества), и «рады сообщить»… Нет, для шутки все слишком скромно. Пошутить можно было куда прикольней. Например, предложить мне контракт на книгу от издательства «Пенгуин» на десять тысяч долларов США или сообщить, что Данилову А.С. присуждается малый Букер… Нет, не похоже, что письмо – чья-то дурацкая шутка. Да и первое апреля давно миновало.

Тем не менее чем-то послание мне не нравилось. Чем именно? Я раздумывал, стоя в прохладном подъезде, и, кажется, понял. Настораживал обычный, совсем не фирменный конверт, причем с новогодней картинкой. Нет обратного адреса. Кроме того, скверная бумага и дешевый игольчатый принтер, на каком отпечатали депешу. Да и сидят издатели хоть и в центре, но, судя по всему, в единственной квартире или комнате, затерянной в глубинах Большой Дмитровки. Несолидно… Да, кстати… как издательство называется? Я еще раз заглянул в письмо. Обозначения издательства и его логотипа ни в «шапке», ни в тексте не обнаружил.

Я побежал по лестнице вверх, в свою квартиру (за стенкой, у Татьяны, уже орал в полный голос «Роксет»). Не снимая обуви, прошел в комнатку, что служила мне одновременно и гостиной, и кабинетом. Достал папку, куда обычно складываю бумаги, относящиеся к моим писательским делам, в том числе «отлупы» из редакций и приглашения ко всевозможным конкурсам. Ага, вот оно… Маленькое объявленьице в газете «Молодежные вести» от семнадцатого января: «Издательство объявляет конкурс на лучший рассказ. Номинации – детективный,

любовный, мистический. Объем – не более 15 машинописных страниц. Премия победителю – 500 у. е. ».

Названия издательства и тут нет. Адрес – абонентский ящик:101000, Москва, а. я. 111. И еще – электронный адрес: firstseal@mail.ru.

Я вспомнил, как наткнулся – сидя в туалете, признаюсь – на эту объяву и подумал тогда: на ловца и зверь бежит. Потому что детективный рассказец в моем творческом портфеле уже имелся. Чумовая новеллка – помесь Кортасара, мыльных опер и «криминального чтива»: куча убийств, стр-расти р-роковые и тонкий психологизм, плюс все это сдобрено изрядной долей иронии. Мне самому он нравился чуть ли не больше всех моих творений. Но для глянцевых журналов, типа «Космополитен», «Культ личностей» и «Бизнес-леди», он не подошел, сказали: «Слишком сложно, не в нашем профиле»; толстым журналам он не приглянулся из-за р-роковых страстей (да и платят там гроши, в этих «Новых мирах»!); а для газет и еженедельников сочинение оказалось слишком длинным… И тогда я запечатал рассказец в конверт, отправил его обычной, не электронной, почтой на конкурс и благополучно о нем забыл. И вот…

Я захлопнул дверь квартиры и спустился во двор, ставший в субботу машинным двором. Армен, скучавший у своей «шестерки» с поднятым капотом, ревниво поинтересовался:

– Чего так долго? Кофе у Татьяны пил?

Я с трудом подавил искушение похвастаться своей победой и буркнул:

– Ключ искал на восемнадцать.

– Да он же у тебя здесь! – проговорил Армен и пытливо посмотрел на меня.

Наверно, решил, что у нас с Татьяной завязывается роман.

– Ладно, давай крути, – сказал я. – Лампочку подсоединил?

Мы принялись выставлять момент зажигания на Арменовой «шестерке», а мысли мои тем временем были далеко. Я думал о письме, издательстве, победе… До

понедельника оставалось два дня. Мне безумно хотелось как можно быстрей прийти в издательство, получить свою премию и, как говорилось в корреспонденции, обсудить планы долгосрочного сотрудничества…

И в то же время что-то меня настораживало. Интуиция прямо-таки вопила: «Не ходи! Не ходи туда! Не надо!»

Но я знал, что, конечно, в издательство пойду.

В то же самое время.

Сергей Петренко.

Сергей Петренко, совсем недавно капитан, а ныне уже повышенный до подполковника, один из самых засекреченных людей в России, приближался к месту своего назначения. Мотор его «девятки» (с питерскими еще номерами) работал ровно. Уверенно двигаясь из центра столицы к ее окраине по крайней левой полосе В-ского проспекта, залитого солнцем и по-субботнему пустынного, тридцатичетырехлетний подполковник старался не смотреть по сторонам. Пообочь дороги тянулись пустыри, виадуки, пакгаузы, заводские цеха…

Петренко, коренной петербуржец, Москву не любил.

Большая деревня. Муравейник. Нагромождение многоэтажных коробок. В редкие свободные дни он, взяв с собой Ольгу и Юленьку, честно пытался осваивать новое для него городское пространство – заставлял себя полюбить Москву. Но столица нравилась ему лишь в центре, и то только в районе Бронных или Арбатских переулков. Там Москва хоть чем-то походила на Питер. Тихо, лениво, уютно… Дома начала века – с плавными линиями, высокими окнами, мансардами… Но все равно: вдруг р-раз – и глаз упрется в уродливую кирпичную многоэтажку с застекленными невпопад лоджиями, а у подъезда мемориальная доска: здесь жили-поживали Суслов-Черненко… Да и ехать туда, к Бронным, от Жулебина, где Петренко с семьей предоставили квартиру, не меньше часа… И весь этот час тянутся за окном новостройки, пустыри и акведуки…

То ли дело любимый Питер!.. Глаз отдыхает на его стремительных перспективах – а в конце каждого проспекта видна или сияющая игла Адмиралтейства, или зелено-грузный купол Исаакия… А каналы! А эти особняки, мосты, решетки!.. Позлащенная колокольня Никольского собора отражается в Крюковом канале… Продувает влажный ветер с Невы…

В Питере красота под боком. Она любимая, домашняя… Выйдешь на родную Лиговку, пойдешь с Юлечкой за ручку, и ребенок по пути эстетически насыщается и духовно растет. Идешь с ней, скажем, гулять в Сангальский садик (как все его называют, на самом же деле – сад при особняке владельца бывшей бумагоделательной фабрики графа Сен-Гали)… Или в противоположную сторону, в Таврический… Шагаешь, и глаз привычно радуется. Ни один дом не похож на другой. Башни, эркеры… На фасадах – атланты, кариатиды, амуры, рога изобилия, гроздья винограда… Дочка лопочет на своем детском языке, а ты думаешь о своем – и на сердце покойно и радостно…

Полтора года как Петренко перевели в столицу, а он до сих пор не приспособился душой к Москве. «Вот и Олька – при первой возможности ускакала в Питер, – подумал Петренко. – И Юлечку с собой увезла…» Предлог для путешествия жены с дочкой из Москвы в Петербург имелся. Надо, мол, помочь маме (тещеньке, значит) перебраться на дачу. На самом деле – соскучилась Олечка по любимому городу. И Петренко хорошо ее понимал. Он бы и сам поехал. Но служба, служба…

Сергей Петренко возвращался на своей «девятке» с Ленинградского вокзала. Только что он усадил Оленьку с Юлечкой на дневную «Аврору». К полуночи они уже будут дома… А ему, Петренко, в шесть вечера предстояло заступать на суточное дежурство. Ему, начальнику отдела, подполковнику, конечно, не положены субботние вахты, но Васька Буслаев, подчиненный, попросил его подменить. Тоже повез своих на дачу.

Петренко свернул с В-ского проспекта на одну из окраинных улиц – до сих пор не знал ее названия. Вокруг тополя, кусты, хрущевские пятиэтажки – убогий, словом, пейзаж. Впереди по дороге тащилась поливалка. Петренко дал газу и, невзирая на две сплошные, обошел ее по пустынной встречной полосе. Когда перестраивался назад в свой ряд, увидел у тротуара белую гаишную иномарку. Гаишник выскочил из-за своей машины, радостно преградил путь подполковнику полосатым жезлом. Петренко ругнулся про себя, тормознул. Даже гаишники в столице казались ему более вредными и циничными, чем в родном Питере.

Гаишник бодро подошел к «девятке», представился скороговоркой, в которой не различишь ни имени, ни звания. Петренко из-за руля выходить не стал, даже ремень не отстегнул. Одет он был, как всегда, в «гражданку», но отбиться от окраинного мильтона у него полномочий хватало. Через открытое окно Петренко протянул старлею права и краснокожую книжицу. Гаишник первым делом схватился за удостоверение, увидел сверкнувшие золотом буквы Федеральная Служба Безопасности, едва открыл его и тут же вернул. В лице не поменялся, но вытянулся, козырнул и членораздельно пожелал счастливого пути.

Документы ФСБ являлись одним из многих прикрытий подполковника и, признаться, самым действенным!

Петренко врубил первую передачу и с визгом, с пробуксовочкой тронулся – мальчишество, конечно. В зеркало заднего вида заметил, что дорожный страж столь же невозмутимо останавливает следующую жертву.

Через десять минут подполковник подъехал к месту службы. Неприметный особнячок за высоким зеленым забором помещался на самой окраине столицы. Никто, кроме немногих допущенных сюда, даже представить себе не мог, что на самом деле расположено за этими стенами – точнее, под ними.

Петренко подрулил к воротам. Поставил «девятку» так, чтобы луч инфракрасного сторожа попал на невидимый невооруженным глазом пропуск, нанесенный на лобовое стекло. Мигнул красный луч – мигнул и погас. Ворота стали сами собой открываться. Петренко заехал во двор.

Во дворике стояла только дежурная разъездная «Волга». Въезд на территорию объекта на личном автотранспорте являлся привилегией начальников отделов и высшего руководства. Судя по пустоте на парковке, высшее руководство, равно как руководители прочих отделов, на службе отсутствовали. Все понятно: суббота, вечер, и солнце жарит по-летнему…

Петренко закрыл машину и через асфальтированный дворик подошел к одноэтажному особняку сталинской постройки. Здесь на дверях имелся кодовый замок. Петренко набрал свой личный код. На него уставился «глазок» телекамеры. Дверь щелкнула и пропустила подполковника. За дверью стоял часовой в форме лейтенанта госбезопасности. «Здравия желаю!» – проговорил тот. «Привет, Витек», – отозвался Петренко. Несмотря на то, что охранник

прекрасно знал Петренко в лицо, он тщательно осмотрел его пропуск. Вгляделся в три ежемесячно меняющихся чернильных штампа во вкладыше: на этот раз символами-паролями являлись голубь, керосиновая лампа и кленовый лист. Витек вернул пропуск, козырнул и пожелал счастливой работы.

Ни охранники, ни кто бы то ни было еще – за исключением нескольких человек в самом высшем руководстве страны – знать не знали, чем в действительности занимаются здесь подполковник Петренко и его коллеги. Объект за зеленым забором являлся не просто секретным, но легендированным. Охране, шоферам, а также членам семей сотрудники время от времени, под большим секретом (обычно для правдоподобия подвыпив) подбрасывали дезинформацию. Рассказывали («Только ты – никому ни слова!»), что, дескать, здесь, на объекте, ведутся работы по созданию и совершенствованию отечественного психотронного оружия.

Такая легенда являлась полезной потому, что убивала двух зайцев: она, во-первых, отводила внимание спецслужб вероятного противника от истинного предназначения объекта; а во-вторых, внушала обывателям весьма полезный миф о том, что психотронное оружие в России имеется, работы в этом направлении ведутся… Однако Петренко в силу своей должности знал, что эти исследования никогда особо успешными не являлись и были законсервированы в СССР еще в 1990 году.

Да и кому, скажите на милость, нужны психотронные бомбы, когда существует телевидение?

Подполковник пересек пустынный холл учреждения и подошел к лифту. Положил ладонь на считывающее устройство. Автомат сличил дактилоскопический узор с имеющимся в базе данных. Все сошлось – дверцы лифта разъехались. Петренко вошел, нажал одну-единственную кнопку. Лифт ухнул вниз. Когда-то, в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, когда объект проектировался и создавался, он мог выдерживать прямое попадание ядерной бомбы. Тогдашней бомбы. От сегодняшнего оружия глубина не спасала, но Петренко, равно как его коллеги, не очень-то верил, что американцы примутся бомбить именно его рабочее место. В случае чего найдут более привлекательные цели.

На глубине примерно двадцать пятого этажа под землей подполковник вышел из лифта, пересек унылый бетонный холл с аварийными шахтерскими

лампочками. Набрал цифры личного кода еще на одной двери. Стальная дверь с натугой разъехалась. Наконец-то с глубоко эшелонированной (кому она нужна-то?) секретностью было покончено, и Петренко оказался в помещении комиссии.

Коридоры здесь выдержаны в стиле державного уюта – как это понималось в начале шестидесятых. Красноковровые дорожки, деревянные панели на стенах, матовые светильники на потолке. По обе стороны – двери, двери. На них – ни номеров, ни названий, ни фамилий. Подполковник дошел до кабинета, в котором помещался оперативный дежурный. Открыл без стука.

Кабинет оперативного дежурного был раза в три попросторней, чем собственный петренковский, – метров, наверное, сорок. Обставлен в стиле а-ля Комиссариат внутренних дел. Кожаные кресла. Диван. Два стола-монстра, покрытые зеленым сукном. На каждом – по зеленой лампе, сработанной по дизайну полувековой давности.

На одном столе – нагромождение телефонов. Пять – прямой связи: с директором ФСБ, начальником Службы внешней разведки, министром обороны, начальником Генерального штаба и лично президентом – теми пятью людьми, кто знал о существовании и предназначении комиссии. Кроме того, на столике находились телефоны двух «кремлевок»: ВЧ-1 и ВЧ-2. И наконец, два обычных: городской и местный.

На другом столе размещался компьютер, выглядевший здесь, среди утюгообразной мебели, пришельцем из будущего.

За компьютером сидел оперативный дежурный. Это капитан-эксперт из отдела «И» – исследовательского. Петренко едва знал его. Тот, казалось, даже не заметил появления подполковника. На мониторе у капитана раскладывалась очередная сдача преферансной пульки. «Сейчас доиграю», – буркнул капитан, мельком глянув затуманенным взором на Петренко. И это вместо того, чтобы поприветствовать, как положено, старшего по званию!

Ребята из исследовательского отдела, недавние выпускники физтеха, МИФИ или биофака с психфаком МГУ, в массе своей отличались пренебрежением к воинской субординации.

– Здравия желаю, капитан, – иронически проговорил Петренко.

– Здравствуйте, здравствуйте, товарищ подполковник, – нетерпеливо пробормотал капитан, не отрываясь от монитора.

Воспитывать разгильдяя не хотелось – да и, пожалуй, бесполезно. Подполковнику нравилось высказывание Ленина: если вы не можете добиться выполнения лозунга – снимите его.

Когда бы все по тому ленинскому принципу поступали – глядишь, нервы свои сохранили бы в порядке. И Советский Союз – тоже.

А может быть, как раз наоборот, вдруг подумалось Петренко. Дисциплинку у нас расшатали изрядно. И глупо думать, что бардак, который творится за этими стенами (точнее, над этими стенами), не влияет на положение дел даже в самой суперзасекреченной комиссии.

Петренко со вздохом опустился в кресло за телефонным столиком. До начала его дежурства оставалось пять минут.

Наконец капитан оторвался от экрана, удовлетворенно проговорил:

– Личный рекорд! Девятьсот сорок вистов! – А затем без перехода отрапортовал, даже не привстав: – Товарищ подполковник, за время моего дежурства никаких происшествий не случилось, оперативный дежурный капитан Чартков! – И снова без перехода: – Как там, на воле, погодка?

– Жарко, – односложно проговорил Петренко.

– Эх, весна пришла! – потянулся в кресле капитан. – Ладно, в ЖБД[1 - Журнал боевых дежурств.] я уже все записал. И я поскакал, ладно?

Подполковник встал. Внезапная злость вдруг охватила его. «Вот из-за таких раздолбаев, – подумалось ему, – мы все в стране и прос…аем! «Поскакал» он, видите ли! Тоже мне – зайчик! Ишь, развели демократию!»

– Товарищ капитан, – тихим ледяным голосом проговорил Петренко. – Потрудитесь встать и передать дежурство по уставу.

Капитан вздохнул, но, взглянув на сдерживающего гнев Петренко, понял: шутки кончились. Встал и отрапортовал как положено.

– Распишитесь в журнале, – сухо сказал подполковник, – передайте ключи и можете быть свободным.

– Есть! – молодцевато проговорил капитан. Он стоял навытяжку, даже чересчур навытяжку: видать, понял, что хватил через край со своим панибратством по отношению к старшему по званию. – Вот ключи от всех помещений и компьютеров. – Он достал две связки из верхнего ящика стола. – Капитан Чартков дежурство сдал! Разрешите убыть?

– Подполковник Петренко дежурство принял, – сухо сказал подполковник. – Убывайте.

Капитан покинул помещение ОШ[2 - Оперативного штаба.] чуть ли не строевым шагом. Петренко остался в подземном кабинете один.

Прошелся туда-сюда по ковровой дорожке, затем со вздохом опустился в кресло у компьютерного стола.

Отличительной чертой всех прежних петренковских дежурств по комиссии являлось то, что во время них никогда ничего не случалось. Впрочем, уже давно ничего не случалось и во время дежурств других офицеров. В стране и в мире происходили серийные убийства и террористические акты, восстания, дерзкие кражи, вероломные нападения… Но в компетенцию КОМКОНа расследование этих «человеческих» ужасов не входило. Комиссия была создана для совсем другой работы. Но этой работы не было.

Подполковник приготовился к суточному ничегонеделанию.

Наталья Нарышкина.

То же самое время.

Москва.

Наташа осторожно распечатала пакетик с кунжутом и высыпала семена в пиалу. Прикинула на глаз: маловато. Надо было на вес покупать, а то не напасешься этих пакетиков. Ну ничего, добавим побольше сухарей…

На сегодня она запланировала жареную рыбу с кунжутом. Ничего особенного, обычное филе окуня с оптового рынка. Если просто швырнуть его на сковородку – выйдет грустный столовский ужин. Но если над перемороженной рыбой слегка поколдовать… Сначала обвалять рыбные пластины в муке с перцем, потом – в яйце с молоком, а напоследок – в кунжутном семени с сухариками… Возни не слишком надолго, зато получится почти ресторанное блюдо.

Наташа мимоходом взглянула в зеркало. Зеркало висело над разделочным столом. Наталья любила крошить-резать и между делом поглядывать на себя. Глубокие зеленые глаза, жаркий румянец и светлые пряди, выбившиеся из-под черной банданки. Рядом с зеркалом стояла коробка из-под бельгийского печенья. Девушка, нарисованная на крышке, – точь-в-точь она, Наташа. Только у той волосы длиннее и миниатюрный зонтик над головой.

Наталья в очередной раз сравнивала себя с бельгийской моделью, когда в кухню вихрем заскочила мама. Халат развевается на весеннем сквозняке, лицо скрыто под косметической маской. «Секрет Клеопатры, – мгновенно определила Наталья. – Молотый горох вперемешку с теплым молоком».

Мамино лицо цвета хаки выглядело грозно. Зато – Наташа знала – кожа молодеет сразу лет на десять. Она себе тоже иногда такую маску делала. Ну а уж маме – сам бог велел, в ее-то годы. Сорок лет, ужас!..

Наталья лично намолола для мамули целую банку гороха. И всегда следила, чтобы молоко было в доме. Пусть украшается.

Елена Витальевна заглянула в пиалушку с кунжутом, хмыкнула:

– Биг-маки готовишь?

– До бутербродов не унижаемся, – с достоинством ответила Наталья. – Рыба будет. Очень вкусная.

Мама повела носом:

– Запахов не чую… давай быстрей, а то я опоздаю…

Елена Витальевна вкусно поесть любила. «Особенно после этой собачьей работы». Но кулинарию не жаловала, готовкой занималась мало и только по крайней необходимости. Любила повторять, что каждый должен тратить драгоценное время на свое дело. Дело и участь домохозяйки – хоронить себя на кухне. А она, Елена Витальевна, будучи доктором наук, врачом-гинекологом, лучше примет еще парочку платных больных, чем станет тратить часы на всяческое «отварить – обжарить – припустить». Ну а Наташе (мама обычно с трудом удерживалась от снисходительных ноток в голосе) сам бог велел жарить биг-маки. Или что там она готовит…

Прошлым летом Наталья Нарышкина закончила школу и провалилась при поступлении на журфак в МГУ. Провалилась без особого треска – недобрала один балл. Со страху, дрожа над сочинением в гулкой и нервной аудитории, написала риализм. И получила четверку за грамотность. И «четыре» – за содержание. Она до последнего надеялась, что ей хватит полупроходного балла, ждала, что таки зачислят – хотя бы на известную фамилию (кто не знает ее папу, журналиста Нарышкина!) внимание обратят… Но чуда не случилось. В списке поступивших ее не оказалось. Наташа долго ревела в кабинке туалета, тупо уставившись в игривую надпись на двери: «Крошки, я вас хочу!»

Ее, Наташу, журфак не захотел.

Она вытащила ручку, приписала наискось двери: «Я никогда не буду здесь учиться! »

Забрала документы и, ссутулившись, прошла сквозь строй сияющих поступивших. Новоиспеченные студенты сбивались в группки и отправлялись за праздничным пивом.

Наташа поехала домой.

– Я не прошла, – скупо доложила она маме.

Елена Витальевна отчего-то смутилась. Молча прошла в кабинет, принялась накручивать телефон. «Макс, что за дела!» – удалось расслышать Наташе.

«Папе звонит, в Америку».

Мама сделала еще несколько звонков. Решительно вышла из кабинета:

– Значит, слушай. Есть два варианта. Вечерка. Или платное отделение… В смысле денег они хорошо загнули, почти как в Гарварде… Что выбираешь?

– Ничего, – пожала плечами Наталья.

– Это как понимать? – удивилась мама. От неожиданности даже брови приподняла, хотя обычно не хмурилась – боролась с морщинами.

Наташа молча вошла в ее кабинет. Привычно оглядела книжные полки, уставленные медицинскими томами. Вздохнула. Сегодня в переполненном поезде метро по пути с факультета она приняла решение. И сказала маме. С неожиданной решимостью в голосе:

– Да так и понимай. На следующий год поступлю. Если не передумаю. А пока на работу устроюсь.

– Ты… это, случайно, не?..

Мама, работавшая в гинекологии, класса с седьмого волновалась, не попадет ли Наталья в число ее пациенток. Сначала дочь смущалась, потом обижалась, а сейчас просто перестала обращать внимание на мамины расспросы.

– Да не «это», успокойся. Просто… просто я правда еще не уверена… хочу ли я там учиться.

– Так на курсы же ходила! Статейки пишешь!

– Ну, статейки мои папа все переписывал. А на курсах… Понимаешь, там все учатся или по инерции, или по призванию. Я по инерции, чтобы просто династию продолжить, не хочу. Сомневаюсь до сих пор – мое ли это? Может, мне лучше твою, медицинскую линию продолжить?

Мама не растерялась:

– Нет проблем. Могу санитаркой к нам устроить.

– Ой, нет. Только не в гинекологию.

Наталья не боялась ни ран, ни крови. И в морг маму упросила сводить – ничего особенного. А вот животастые женщины ее пугали. Страх с детства еще остался, когда мама принимала на дому. «Натусик, отопри!» – кричала Елена Витальевна из комнаты-кабинета. Наташа, метр без кепки, открывала входную дверь и утыкалась лицом в огромные животы пациенток. Казалось, что ее сейчас сметут, размажут по крошечному темному коридору. Беременные улыбались девчушке с косичками, называли ее ласточкой и деточкой, но она все равно боялась. И остатки детских страхов до сих пор прятались где-то в глубине подсознания…

– Мам, можно я годик подумаю, а? Папа ведь тоже не сразу журналистом стал… Искал себя… Понимаешь, я до сих пор не уверена, куда мне поступать…

– Может, в кулинарный техникум? – улыбнулась мама.

– Может, и в кулинарный…

Мама продолжала улыбаться. Наташа чмокнула ее в щеку:

– Вижу-вижу, к чему ты. Мол, повар из меня никакой. Согласна. Пока дома буду практиковаться. Ужины вам с папой готовить.

На том и порешили.

Наташу отец пристроил секретаршей к своему приятелю в мебельную фирмочку. График был удобный – с девяти утра до девяти вечера, но всего два раза в неделю. Платили мало – зато и обязанностей негусто. Только-то делов: радостно

голосить в телефон: «Гарнитур-люкс, добрый день!» – да печатать разные платежки-гарантийки.

Наташа искренне наслаждалась взрослой жизнью и свободой. Свободой от школьного занудства и жесткого графика. У нее впервые появилось личное время. Никаких факультативов, репетиторов и подготовительных курсов. Хочешь – зубри, как пишется реализм и почему Базаров считается «типичным представителем». А хочешь – пиши статьи и заметки. Или кулинарничай. Или встречайся с поклонниками без оглядки на то, что ночью потом придется заниматься, наверстывать…

Наташа принялась баловать родителей кулинарными шедеврами. Не каждый день, конечно, а под настроение. Она скупала у кавказцев на рынке всевозможные приправы. Тратилась на авокадо и лаймы. Изучила больше тридцати сортов сыра.

Родители не возражали. Подсмеивались, конечно, требовали на ужин обычных сосисок, приставали с вопросами, успеет ли она до лета еще раз прошерстить всю вступительную программу? Но, не скрывая, радовались, когда вечером их поджидал настоящий ужин, с крахмальной скатертью и салфетками к скатерти в тон.

– Мне с тобой деньгами делиться надо, – хохотала мама, – я еще полставки взяла с тех пор, как ты меня от готовки освободила!

– Эх, повезет кому-то с женой! – вздыхал папа. И добавлял вполголоса, влюбленно щурясь на супругу Елену Витальевну: – Не то, что мне, всю жизнь мучаюсь.

За что и получал от мамы. Она любила говорить, что лучшее оружие против мужа, как и против мух, – свернутая в трубочку газета.

Максим Петрович потирал ушибленное газетой ухо:

– Вот так всю жизнь! – И грохотал командирски: – Давай, Наталья, добавки подкладывай.

…Сегодня папа, слегка подшофе, пришел, когда рыба уже давно томилась в миске под грудой полотенец, а мама при полном параде вконец извелась, что они опоздают. Но с мужем она поздоровалась спокойно, ласково. Будто и не жаловалась только что дочери: «Папка твой совсем совесть потерял».

Наташа в который уж раз порадовалась за родителей. И, честно сказать, немного им позавидовала. Как у мамы только получается!.. Она, Наташа, когда ее поклонник Костик опаздывает хоть на минуту, всегда не выдерживает и принимается нудно ворчать.

– Извини, Еленочка, – сказал папа извиняющимся голосом, – я сам им позвоню, скажу, что мы задержимся… Наташенька, слышу, рыбкой пахнет? Ну-ка, положи мне! На приемы нужно приходить сытым, а то захмелеешь сразу…

Папа накинулся на рыбу с кунжутом, аппетитно захрустел салатным огурчиком. Наташа бдительно следила, чтобы хватило и хлеба и сока и чтобы добавки вовремя подложить.

– Умница, вкуснота необыкновенная, – похвалил отец. – Свежую рыбу, что ли, купила?

– Не, обычная, мороженая. С рынка, дешевая…

– Да, ты у нас специалист!.. Насчет всякой дешевки…

– Что ты хочешь сказать? – подозрительно поинтересовалась мама.

Папа лукаво прищурился. Заговорил нараспев, будто бы читал по написанному:

– «Весной всем нам хочется выглядеть по-весеннему. Чтобы глаза сияли и волосы блестели. Но красота нынче дорого стоит. Стрижка в дорогом салоне может обойтись в сто долларов, а визит к косметологу уничтожит месячную зарплату. Наш корреспондент Наталья Нарышкина рассказывает, как привести себя в порядок, если в кошельке у вас негусто…»

– Да ты что, пап! Вышла, да? – просияла Наташа.

– В коридоре газета. На полполосы тебя разверстали.

Наталья ринулась в коридор. Вот они, «Молодежные вести». На восьмой полосе рубрика «Женский клуб». Репортаж с Недели высокой моды, тест «Умеешь ли ты удержать мужчину?» и ее, Наташина, «Красота по дешевке». Как солидно смотрится! И не сократили почти!

Пока Наташа упивалась, перечитывая первую свою статью, опубликованную не в многотиражке, а в центральной – подумать только, в центральной! – газете, Елена Витальевна вполголоса спросила мужа:

– Это ты ей устроил?

Максим Петрович энергично помотал головой:

– Нет, не читал даже. Мне ли в красоте разбираться? Тем более по дешевке!..

Он не стал рассказывать жене, что с месяц назад позвонил сотруднику «Вестей» Диме Полуянову. Когда-то Дима начинал стажером, мальчиком на побегушках, у журналиста-международника Нарышкина. Нынче Полуянов повзрослел, расписался, дорос до завотделом и замахивался на стремительную карьеру. Но своего учителя, Максима Петровича Нарышкина, новоиспеченный завотделом не забыл. Обещал присмотреть за молодым поколением – чтобы и помогли, и подредактировали, и напечатали.

– И еще. Смотри мне, без этих штук, – предостерег Полуянова Максим Петрович. Он прекрасно помнил, как глупо хихикали молодайки из отдела писем, когда к ним заглядывал его юный помощник Димочка.

– Что вы, ваша дочь для меня – все равно что святая. – Полуянов мучительно пытался вспомнить, кто из многочисленных газетных практикантов носит гордую фамилию Нарышкина.

…Родители давно ушли на свой прием. Наташа перемыла посуду и тоже походила полчаса с маской Клеопатры. Потом накрасила глаза и сделала себе новую прическу – собрала волосы в хвостик, но не как обычно, а на боку. Получилось задорно и стильно.

Позвонил Костик:

– Ну че, кино – кабак – казино?

Этот вопрос он задавал ей каждый вечер. Однако в кабаки и тем более в казино они не ходили. Денег у Кости не водилось, а когда вдруг заводились, он тратил их не на Наташу, а на предмет своей подлинной любви – мотоцикл «Ямаха». О его лошадиных силах, скорости и какой-то там приемистости он мог говорить часами, до полного Наташиного изнеможения. Денежных костиковских крох, что не сжирало железное чудище, никак не могло хватить даже на самое скромное кафе. Разве что на кино – ну а фильмов интересных на этой неделе не показывают. Стало быть, единственное доступное ей сегодня с Костей развлечение – пролететь на скорости двести пятьдесят километров в час по Кольцевой дороге. Благодарю покорно. Наташе не нравились полеты за спиной у Костика. Кружилась голова, тряслись поджилки… А недавно она услышала по телевизору, что девушку, сидевшую за спиной эдакого дикого ездюка, сдуло бешеным скоростным ветром и шмякнуло об асфальт. Милое развлеченьице.

Поэтому Наташа ответила Косте неожиданно грубо:

– Знаешь что, Костик! Ты бы придумал что-нибудь новенькое!

– Да я ж шучу!

– Вот-вот, и шутки свои обнови!

Она положила трубку. Пожала плечами. Что это с ней сегодня? Не поленилась заглянуть в свой медицинский календарик. Мама научила ее связывать плохое настроение с критическими днями. Но до критических дней еще далеко.

«Просто Костик этот – дебил стоеросовый! Дебил на сто лошадиных сил!.. И мое настроение тут ни при чем».

Наталья прилегла на диван и еще раз перечитала свою статью в «Молвестях». Хорошо получилось! Надо позвонить Дмитрию Полуянову. Сказать «спасибо». И, может быть, намекнуть, что у нее сегодня – свободный вечер.

Но Диму ее свободный вечер не интересовал. В его квартире угадывалось веселье. Он вежливо выслушал ее благодарности и поспешил положить трубку. «Конечно, всех хороших мужиков уже разобрали…» – грустно подумала Наташа.

Она вздохнула. Распустила свой экспериментальный боковой хвостик и тщательно стерла макияж. Оставалось коротать вечер в обнимку с «Лекциями по русской литературе» Набокова. Наташа прошла в мамин кабинет, зажгла лампу с зеленым абажуром – под ней особенно хорошо читать – и открыла главу о Гоголе.

Наташа Нарышкина. Спустя два дня —

17 апреля, понедельник.

13.00.

Бирюзовые джинсы в обтяжку – стройные ноги позволяют. На левой коленке – вышивка, ромашка на толстом стебле. В лепестках цветка проглядывает голое тело. Ярко-зеленая футболка. Волосы треплются во все стороны – правильно, сейчас мода такая.

«Они просто обязаны заказать такой девушке пропуск», – убеждала себя Наталья. Почему-то она всегда боялась, что не закажут… Но сегодня, уверена, все будет хорошо.

Наташа бодро подошла к бюро пропусков, снисходительно взглянула на очереденку у местного телефона. Протянула паспорт неулыбчивой девушке: «Мне – в «Молодежные вести».

Хорошо, черт возьми, звучит! Гордо! Не «Пульс Тушина» – а «Молодежные вести»!

Заокошечная девица поводила пальцем по списку:

– Нарышкина? Нет такой.

– Быть не может, посмотрите еще раз!

Пропускная мамзель окрысилась:

– Я читать умею! – Ей явно не понравилась Наташа, сияющая весной и глазами. – Нет пропуска, говорю!

Ну вот, все насмарку. А она ведь с утра уверенную походку тренировала. Прижималась спиной к стенке, клала на голову том «Акушерства и гинекологии», а затем этакой шпалой дефилировала по квартире, чтобы выпрямить спину и расправить плечи. Но какая уж тут королевская походка, если тебе даже пропуск заказать забывают. А обещали ведь, что закажут. Еще в четверг обещали.

Наташа пристроилась в хвост очереди к местному телефону. Набрала номер шефини, Марины Евгеньевны Кленовой – не отвечает. А говорила, что будет весь день. Позвонила в приемную. Ей оптимистично сообщили, что «Кленова где-то внутри…».

– Где именно?

– Ну, вы спросили!..

– А вы пропуск мне не закажете? – Голос предательски дрогнул.

– Как фамилия? Нарышкина? Ждите, поднесут.

Наташа принялась добросовестно ждать. Милиционер на посту одобрительно ощупывал взглядом ее узкие джинсы, но пройти не предлагал. А мимо шустро пробегали причастные – совсем молодые парни и девчонки. Они демонстрировали постовому темно-бордовые книжицы с магическим ПРЕССА. «Сколько народу может втиснуться в лифт?» – Наташа поедала их завистливым взглядом.

Прождав минут двадцать, Наталья снова позвонила Марине Евгеньевне. Слава богу, занято. Значит, подошла. Игнорируя бурчание очереди, она накручивала и накручивала диск. Ура, длинные гудки!.. И опять трубку никто не взял. Да что же

это такое!

И тут Наташа увидела Полуянова. Дмитрий на ходу пытался соорудить нечто вроде прически, старательно приглаживал пальцами разлохматившуюся шевелюру. Она бросилась навстречу:

– Дима, здравствуйте!

Он отчего-то вздрогнул. Уставился непонимающе:

– Вы это мне?

Очередь у телефона смаковала бесплатное шоу.

Наташа покраснела. Пролепетала:

– Я – Нарышкина…

Он еще секунду соображал. Наконец вспомнил:

– А, Максима Петровича дочка!

Вот так вот. Дочка Нарышкина. Что ж она, ей-богу, до пенсии будет ходить с этим клеймом?! Папка ведь обещал, что не станет соваться в ее дела! Что она будет делать свою жизнь сама!

Полуянова зрители у бюро пропусков не смущали. Он подхватил Наташу под руку:

– Пропуска ждешь? Ну, это ты зря.

Он кивнул милиционеру:

– Пропустим крошку? Она ко мне. Молодая, но уже много всем наобещавшая журналистка.

Наташа бордово покраснела. Постовой ревниво взглянул на Полуянова и неохотно кивнул.

Они поднялись на шестой этаж. В лифте Дмитрий сказал:

– Это ты ничего написала… Про Неделю высокой моды. Хит сезона – голое пузо, да?

– Это не я… Я про дешевые парикмахерские писала, – пробормотала Наташа.

– Ну, тоже ничего получилось, – не смутился Дима. – Зайдешь ко мне? Кофейку дернем?

В Наташиной сумке лежала коробка конфет. Она приготовила ее для Марины Кленовой, завотделом женских проблем. Но раз та где-то бегает… И даже пропуск ей не заказала…

Дима отпер свой кабинет. Наташа чуть не задохнулась – в нос бросился запах пыли и застарелых окурков. Стаканы оказались грязными. Единственный гостевой стул завален газетами.

Газеты Полуянов сбросил на пол, на стаканы подул, а один из них, Наташин, даже протер носовым платком. Вода грелась в старинном железном чайнике, банку с кофе Дмитрий выудил из-под стола.

– Ну, рассказывай, – деловито-рассеянно обратился к ней Дима, когда кофе был налит, а конфеты распечатаны. – Мысли, идеи, творческие планы? Как будем жить дальше?

Жить дальше?

– Ну, я хотела бы… – Наташа замялась, – …хотела бы… – и выпалила, как с мостика в холодную воду, совсем даже и не то, что собиралась сказать, – хотела бы стать, как вы!

Дима хмыкнул. Непонятно, смешно ему или приятно.

– Ты столько, сколько я, сроду не выпьешь, – подмигнул он. – Но я не о том спрашиваю. – Полуянов обволок ее томным взглядом: – Откуда ты такая красивая?

О чем он говорит, ей-богу!

Наталья начала злиться. И выпалила:

– Мама с папой хорошо постарались. Вот так и получилась!

Он засмеялся. Похвалил:

– Молодец, языкастая.

Ловко выискал в коробке конфету с ликерной начинкой, кинул в рот, отсалютовал ей кофейной чашкой. Наташа краснела под его взглядом.

В кабинет заглянула Марина Евгеньевна Кленова, руководитель женского отдела. Замерла на пороге:

– Ба! Да у вас тут интим! – Она въедливо уставилась на Наталью: – Я вас, девушка, кстати, с утра жду!

Ага, ждет: ни пропуска нет на вахте, ни телефон у нее не отвечает.

– Дима меня провел. Пропуска ведь не было, – вежливо ответила Наташа, покраснев.

– Звонить надо насчет пропуска!

– Вы же в четверг обещали…

Полуянов и Кленова обменялись непонимающими взглядами.

– Четверг-то когда был! – объяснил ей Дмитрий.

Нет, никак она не поймет этот мир журналистов. Не врубится в него. Кленова же сама обещала, что в понедельник, то есть сегодня, закажет пропуск без всяких дополнительных звонков. Никто ее за язык не тянул. Зачем было зря трепаться?

– Подсказывает мне моя женская интуиция, – Кленова ехидно посмотрела на Наталью, – что ты, Полуянов, лопаешь конфеты, предназначенные совсем не тебе.

– Угощайся, – Дима не смутился и сделал широкий жест. Та пожала плечами:

– Угоститься-то я угощусь…

Наташе показалось, что Марина Евгеньевна оскорблена. Кленова выцепила из коробки конфету и вышла, даже не взглянув на Нарышкину.

– М-да, я тебе не завидую, – прокомментировал Дима.

– В чем дело-то? – не поняла Наташа.

– Да похоже, что теперь ты ко мне переходишь. В отдел расследований. Это посложней, чем про парикмахерские писать…

– Почему?

– Да потому, что женский отдел тебя больше печатать не будет. Кажется, приревновала тебя ко мне Кленова, – объяснил Дима. – И больше возиться с тобой, юным дарованием, не станет.

Вот так! Из-за какой-то коробки конфет! Неужели это для нее важно?! Конфеты – а не то, как я работаю?! А ведь я придумала – сама! – столько тем! И писать у меня получалось!.. Я же хотела предложить Марине Евгеньевне тему про занятия шейпингом! И про то, как выгодно можно прибарахлиться в магазинах секонд-хенд!

Полуянов задумался:

– Что мне теперь с тобой делать-то, Нарышкина?

Он залпом допил кофе, закусил очередной конфетой. Задумался вслух:

– В СИЗО тебя не пошлешь… В мэрию – тоже, чиновники замордуют… Ага, вот что. Записывай адрес… Это бесплатная столовка для бомжей. Съездишь, поговоришь с людьми. Завсегдатаи – кто они, откуда? Поваров расспроси, директора. Инциденты, смешные истории. Двести строк. Поняла?

Она торопливо записывала: повара, инциденты, смешные истории…

Полуянов хмыкнул:

– Да не пиши ты это, на месте сама разберешься. И вот еще что. За руку с ними не здоровайся. Вернешься домой – душ сразу прими. А то вшей, не дай бог, подцепишь. Или туберкулез… Давай действуй. И папе привет.

…Наташа не спеша шла к метро. Она отчетливо понимала, что ей совсем не хочется писать про бомжей…

Многие мужчины оборачивались ей вслед. Особо активные приставали с разговорами. Какой-то кавказец попросил «падарыть рамашку со штанов». Притормозил глыбоподобный джип. Оттуда крикнули: «Лапуля, поехали с нами!» Она отвернулась.

Бомжи, наверно, тоже клеиться к ней будут… Вот спасибо этому Полуянову! Задание так задание! Он, наверно, специально над ней издевается!

«Не везет мне с мужиками», – переживала Наталья.

Навстречу ей попался молодой загорелый парень. Высокий, глаза сияют, думает о чем-то приятном. И без обручального кольца.

«А вот такие со мной не знакомятся. Мне одни бомжи достаются», – грустно подумала Наталья.

Молодой человек действительно не стал с ней знакомиться. Только перехватил ее взгляд и широко улыбнулся.

Это был Алексей Данилов.

Алексей Данилов.

То же самое время.

В этой части Москвы легче найти костюм от «Хьюго Босса» за три штуки баксов, чем бесплатную парковку.

Я тормознул свой рыдван прямо на Тверской и опрометью, пока не подошел парковщик, выскочил из кабины. Не так жалко червонца за стоянку, как неохота подкармливать лбов-бездельников.

Спустя минуту, проходя Камергерским переулком, вспомнил, что забыл забрать из салона магнитолу. Ну, ничего, авось в ста метрах от Кремля никто на мой «Феррари» не покусится.

Сказать, что я не волновался перед визитом в издательство, было бы чистой воды враньем. Конечно же, волновался. Но в то же время я шел туда не просителем, а победителем. И от этого победительно, гоголем, поглядывал на прохожих. В основном на девушек, конечно.

Весна в этом году пришла стремительно. Уставшие от долгой зимы женщины посбрасывали свои меховые шкуры и на радостях открыли нескромным взорам даже больше, чем могли рассчитывать мужчины. Вдруг откуда-то явились коротюсенькие юбки, длиннющие ножки, обнаженные ручки и шейки, облегающие бюсты майки… Было на что поглядывать гоголем – Гоголем, только что опубликовавшим свои «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Я миновал «Книжную лавку писателей», бесчисленные книжные развалы и магазин «Педкнига». Свернул на Дмитровку. Дом номер восемь был вторым от угла. Подъезды, похоже, таились во дворе. Я завернул туда.

Миновав могильно холодную подворотню, очутился во дворе. Он оказался неожиданно большим, типично старомосковским. Асфальтовый колодец, высокие окна, облупленные стены, шесть или семь этажей. Ни единого человека

во дворе. Две брошенные машины: одна, «жигуленок» с разбитыми стеклами, вся раскурочена; другая, старая «Волга», вросла спущенными шинами в землю. В двух ржавых мусорных контейнерах громоздились горы строительного мусора. Было так тихо, что хотелось зажмуриться. Толстые стены дома поглощали все звуки улицы. Возле одного из подъездов с настежь распахнутыми дверями высилась груда битого камня, а поверх нее – выломанные оконные рамы.

Болталась под ветром занавеска открытого окна на третьем этаже. Солнце равнодушно жарило сверху, солнечный зайчик от немытого стекла скакал по стенам. Из-за этого двор выглядел еще бесприютней. Ни единого человека, ни одного звука.

Я достал из кармана письмо и сверился с адресом. Нет, никакой ошибки. Большая Дмитровка, восемь, пятый подъезд… Спросить, где это, решительно не у кого. Ближе всего к подворотне оказался подъезд номер три… Я прошел дальше. Рядом почему-то подъезд, помеченный цифрой «шесть»… Из парадного вышмыгнула кошка и ракетой унеслась вдоль стены… Я подошел к следующему подъезду. Номер два… Где же, черт возьми, мой – пятый? Я остановился, огляделся. По-прежнему во дворе было так тихо, как никогда, даже зимой, не бывает ни на природе, ни в городе – только в брошенном доме, оставленном жителями перед приходом неприятельского войска… Странный холодок пробежал по моей спине, пошевелил волосы на затылке. Я не выдержал напряжения, быстрыми шагами вышел к центру двора и посмотрел сквозь подворотню назад, на улицу. Там как ни в чем не бывало проезжали сверкающие лимузины, проходили мимо амбразуры подворотни беззаботные люди.

Я огляделся по сторонам. Безлюдье двора все еще выглядело пугающим. Где-то в доме с лесопильным звуком вдруг заработала циклевочная машина. Я дернулся и обернулся на звук. И тут на стене заметил большую надпись (странно, как я не увидел ее раньше?) белой краской или мелом: ПОДЪ. 5. Написано неровными, корявыми буквами. Я подивился способу сокращения: точка стояла не после буквы Д, а после твердого знака – будто бы кто-то захотел написать слово целиком, да бросил, или у него не выдержали нервы. Подъезд, подле которого располагалась надпись, выглядел таким же заброшенным, что и остальные. Одна створка двери отсутствовала, другая висела на единственной петле. На щербатых ступеньках валялось штукатурное крошево. Темнота и тишина подъезда словно притягивали меня. «Ах, вот вы где прячетесь», – сказал я вслух, подбадривая сам себя. Звук собственного голоса показался мне фальшивым. Я бодро направился к входу.

Странно, но даже тени мысли о том, что я стал жертвой чьего-то розыгрыша, у меня не возникло. Перед тем как войти, я на прощание оглянулся. Светило солнце, было тихо-тихо, и брошенный дом, казалось, усмехался всеми своими окнами. Я и представить себе не мог, что в самом центре Москвы увижу этакую разруху.

Я вошел в прохладный темный подъезд. Под ногами заскрипело: крошки кирпича, куски штукатурки… Сквозь не мытые вечность стекла парадного просачивался тусклый свет. Я сторожко прошел первый пролет. Перила висели, скособочась. На площадке первого этажа стояла стремянка. Она была вся заляпана молодой известкой. А единственная дверь, имевшаяся на лестничной клетке, выглядела неожиданно щегольски: железная, обитая дерматином, с «глазком». Рядом на стене помещалась кнопка звонка-домофона. Ни номера, ни названия учреждения я ни на двери, ни около не заметил, но само явление современной двери среди разрухи несказанно ободрило меня. Значит, подумал я, ничего страшного. Просто старый дом сдают мелким фирмам по частям – а те сами потихоньку наводят в нем порядок.

Я взбежал по мощной парадной лестнице на второй этаж. Площадка второго этажа пребывала в запустении. Сквозь разбитые двери и справа, и слева виднелись две квартиры. Полы устелены мусором. В квартире направо валяется в неудобной позе кукла без одной ноги.

Я махнул еще на два пролета вверх. Ноги сами заставляли меня прыгать через две ступеньки. Я слегка запыхался. На лестничной клетке третьего этажа снова остановился. Здесь также помещались две квартиры, и обе они тоже оказались заброшенными. Правда, по полу, некогда устланному щегольской плиткой (теперь изрядно побитой), тянулись направо и налево электрические провода. Из левой квартиры я вдруг услышал человеческие голоса. Я замер. Говорили на каком-то гортанном наречии. Язык мне был незнаком. Что-то восточное: турки, азербайджанцы, дагестанцы? А может быть, персы, иудеи, древние ассирийцы?

Дурачок, сказал я сам себе, какие там ассирийцы, просто современные гастарбайтеры осваивают российский рынок. Я подстегнул сам себя и единым духом взмыл на следующий этаж. Остановился на площадке. Огляделся. Квартира направо распахнута и разрушена. Зато помещение слева отделялось от заброшенного подъезда мощной, особо щегольски выглядевшей на фоне разрухи дверью. «Глазка» в двери не видно, зато над нею, в углу под потолком, я заметил миниатюрную видеокамеру наружного наблюдения. Рядом с косяком

размещался звонок-домофон. Никакого названия ни на двери, ни рядом с нею. Но отчего-то мне показалось, что я попал по адресу.

Я вспомнил урок, преподанный мне в числе многих других старшими товарищами по фирме: никогда не входи в официальное место, запыхавшись. Я стал отдышиваться. Поправил прическу, осмотрел туфли (они, кажется, от мусора в подъезде не пострадали). Когда дыхание выровнялось, я решительно нажал кнопку звонка.

Через секунду мягкий и глубокий мужской баритон спросил меня через интерком:

– Кто здесь?

– Данилов, – ответил я.

– Кто-кто? – удивленно переспросил интерком.

– Данилов. Вы посылали мне письмо. Это издательство?

– Да-да, конечно! – как мне показалось, с фальшиво-радостным узнаванием произнес голос. – Заходите!

Дверь щелкнула и сама собой отворилась. Я осторожно вошел. В прихожей никого, однако ее убранство разительно контрастировало с разрухой, царящей в подъезде. Стены свежевыбелены в стиле европейского офиса. С потолка лился свет точечных светильников. Стоял диванчик черной псевдокожи. В углу размещался громадный копировальный аппарат. Рядом с дверью конторка, за которой, видимо, должен сидеть охранник, – сейчас она, впрочем, пустовала.

Из прихожей в глубь квартиры вели две белые двери с золочеными ручками.

Одна из дверей распахнулась, и оттуда выглянул мужчина. Плечом он зажимал трубку радиотелефона. «Само собой разумеется…» – произнес он в аппарат бархатным голосом, а рукой сделал мне нетерпеливо-приглашающий жест. Я подошел к двери в кабинет – хозяин посторонился, пропуская меня.

Я вошел. Отчего-то казалось, что больше никого в квартире-офисе нет. Мужчина оказался за моей спиной, прикрыл за мной дверь и сказал в телефон: «Да, он у меня…» Я вздрогнул – на секунду показалось, что эти слова отчего-то имеют отношение ко мне. Я отогнал эту мысль, подумав: «Нервы, нервы…»

Человек нетерпеливо произнес: «Я мог бы заплатить ему вдвое больше…» – вышел из-за моей спины и сделал радушный жест: садитесь, мол.

Я мельком оглядел кабинет – он ничем не отличался от любого другого современного обиталища начальника средней руки. Те же больнично белые стены, навесной потолок с лампочками. В дальнем от меня углу – обширный письменный стол из черных панелей. За ним – кожаное кресло, на спинку которого накинут светлый пиджак. На столе – ноутбук, стопка бумаг, подарочный канцелярский набор. Два высоких окна тщательно завешены жалюзи. В центре комнаты – круглый стол для переговоров. Вокруг него типично черные офисные стулья и высокое щегольское кожаное кресло – вероятно, для хозяина.

Я уселся за стол на скромный гостевой стульчик.

Хозяин кабинета отошел к дальнему окну, не переставая слушать телефонную трубку. Отогнул жалюзи и украдкой поглядел во двор. «Но ведь я же вас предупреждал, что он явится…» – произнес хозяин кабинета в телефон, продолжая высматривать что-то во дворе. Я опять вздрогнул – снова пришло в голову, что разговор идет обо мне. Пытаясь избавиться от этого дикого ощущения, я стал рассматривать кабинет, стараясь по индивидуальным деталям составить представление о его хозяине.

Сделать это оказалось непросто, потому что ни единой личностной черточки, выпадающей из стандартного, с понтом европейского стиля, я в кабинете не углядел. В углу размещался книжный шкаф черного дерева, но ни одной книги на его полках не было. Рядом на полу я приметил три картины без рам, но холсты оказались повернуты изображением к стене. На заднике ближней ко мне картины имелась размашистая подпись: ШИШИГИН. Ни на рабочем столе хозяина, ни в шкафу я не приметил ни безделушки, ни вазочки, ни кружки, ни пепельницы. Впрочем, в самом центре переговорного стола (за коим я сидел) помещалась незажженная, но уже слегка оплывшая свеча в грошовом стеклянном подсвечнике.

Тогда я, преодолев непонятную робость, взглянул на самого хозяина кабинета – тем более что он, не переставая слушать телефонную трубку, повернулся ко мне лицом и присел на краешек рабочего стола.

Это был мужчина лет тридцати пяти – сорока, в светлых брюках и недешевой спортивной рубашке кремового цвета. Туфли желтой кожи идеально начищены. Во внешности человека, однако, так же как и в убранстве его кабинета, не присутствовало ничего, что остановило бы глаз. В толпе ни единая его черта не обратила бы на себя внимание. Увидев его, взгляд отметил бы, пожалуй, только щегольские желтокожаные штиблеты. Право, даже я, при всех своих писательских навыках, и то затруднился бы описать этого человека. Среднего роста. Телосложение? Не худой, но и не толстый, не крепыш, но и не «кожа да кости». Славянский тип лица. Мелкие черты. Небольшие залысины. То ли светлые, то ли темноватые волосы – словом, какого-то неопределенного сероватого цвета. Тщательно выбрит. Ни родинки, ни усов, ни бакенбардов – ничего, что могло бы выделить этого человека из толпы. Мне вдруг пришло в голову, что он отлично подошел бы на роль работника спецслужбы низового звена – какого-нибудь лейтенанта-топтуна из управления наружного наблюдения.

Наконец он с легкой досадой проговорил в трубку: «Позволь мне самому решать, что мне с ним делать…» – и у меня опять возникло тревожное ощущение, что разговор идет обо мне. Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Тем временем господин попрощался наконец с телефонным собеседником и обратил свой взор на меня. Глаза у него тоже были какого-то неопределенного цвета.

– Господин Данилов! Извините, что заставил вас ждать! Это замечательно, что вы к нам пожаловали! – сказал он, радушно улыбаясь.

Глаза его, однако, отнюдь не улыбались. Водянистого цвета, они цепко обшарили мою фигуру и остановились на лице. Он протянул руку – я привстал и пожал ее. Рука у хозяина кабинета оказалась под стать внешности: не слишком твердая, но и не слишком слабая, не влажная, не теплая, но и не чрезмерно ледяная – словом, никакая. Самое ординарное рукопожатие.

– Меня зовут Иван Степанович, – продолжил он. – Рад видеть вас… Вас – молодой, так сказать, талант, надежда нашей литературы… Что будете пить? Чай, кофе? Может быть, коньячку?

Он игриво подмигнул мне, но глаза его при этом оставались холодными.

– Минеральную воду, – проговорил я. Эти слова дались мне не без труда, во рту отчего-то пересохло, язык еле ворочался. – Можно?

– Конечно, конечно, – радушно проговорил хозяин кабинета, отошел к шкафу, открыл дверцу внизу – там оказался бар. Оттуда Иван Степанович выудил запотевшую бутылку «Эвиана», два высоких стакана и вернулся к столу. Откупорил, налил минералки мне и себе. – Видите ли, – извиняющимся тоном радушного хозяина продолжил он, – я секретаршу отпустил, мы все еще пребываем в стадии переезда, поэтому я все сам, все сам… – Он заулыбался, но глаза его, буравчики, оставались ледяными. – Мне доставило искреннее удовольствие чтение вашего рассказа, – вдруг без всякого перехода произнес он и добавил внушительно: – Искреннее!..

Секунду помолчал, пожевал губами и, остро глянув на меня, строго спросил:

– Скажите, это вы сами сочинили?

Вопрос показался мне неожиданным своей нелепостью, и я ответил довольно-таки грубо:

– Нет, у Касареса списал.

– У кого, простите? – цепко спросил он.

– Бьой Касарес, – пояснил я. – Аргентинский писатель.

– Ах, да… Касарес, Касарес… Припоминаю… Вы, конечно, шутите, – утвердительно сказал он.

Я пожал плечами. Он улыбнулся, делая вид, что оценил мою шутку. Я готов был поклясться, что он не только не читал Бьоя Касареса, но даже никогда не слышал этого имени. И вообще господин не слишком походил на издателя – какими я их себе представлял.

– А скажите, уважаемый Алексей… – Иван Степанович сделал паузу.

– …Сергеевич, – подсказал я.

– Да, Алексей Сергеевич… А имеете ли вы, уважаемый Алексей Сергеевич, какие-либо где-либо опубликованные работы?

– Имею, – пожал я плечами.

– Какие? Где же?

– Три рассказа. И один перевод. Рассказы – в газете «Южнороссийский рабочий», в журналах «Бизнес-леди», «Я и ты». Перевод – в журнале «Смена».

– А вы, Алексей, э-э, Сергеевич, простите, кто по образованию?

– Педагог. Филолог.

– Работаете в школе?

– Нет.

– А где же?

– Это собеседование? – спросил я.

Честно говоря, мне начал надоедать этот допрос. К тому же после первых минут растерянности я совершенно овладел собой. Поднял стакан и сделал несколько глотков минералки – вот только руки слегка дрожали, и глотки получились несколько более шумными, чем того требует приличие. Однако я продолжил с некоторой долей иронии (не знаю, получилось ли это):

– Может, мне лучше написать резюме?

– Нет-нет, что вы!.. – казалось, испугался мой собеседник. – Мне просто хотелось знать, дорогой Алексей Сергеевич, о вас побольше… Ведь нам с вами предстоит работать…

– Работать?.. В письме, помнится, речь шла о том, что я победил в каком-то конкурсе…

– Конечно! Конечно! Вы победили!.. И позвольте мне, любезный Алексей Сергеевич, господин Данилов, от всей души поздравить вас с этим и вручить вам… – Он быстро вскочил со своего кресла, подбежал к рабочему столу и вернулся с конвертом в руке. – …вручить вам премию, которую вы получаете по праву!

Последние слова он произнес с пафосом, протягивая мне через стол конверт (на нем был изображен все тот же Дед Мороз с мешком подарков). В конверте угадывались купюры.

Я взял протянутый призовой конверт, открыл его. Там зеленели доллары. Я вытащил одну бумажку – сотню. Демонстративно посмотрел купюру на свет.

– Не фальшивая, не фальшивая, уверяю вас, – деревянно засмеялся мой собеседник.

Я достал остальные купюры, пересчитал. Премия, как и было обещано, составляла пятьсот американских долларов. Я спрятал деньги обратно в конверт и убрал его во внутренний карман пиджака – своего единственного летнего пиджака.

– Расписку писать?

– Да зачем! – Иван Степанович сделал пренебрежительно-отмахивающийся жест.

Настроение у меня сразу поднялось, как, оно, верно, улучшилось бы у всякого человека, ни с того ни с сего вдруг получившего кругленькую сумму в иностранной валюте.

– Какую же работу вы хотите мне поручить? – спросил я почти весело.

– А все такую же, Алексей Сергеевич, все такую же!.. —улыбаясь, воскликнул издатель. – Скажите, вы никогда не задумывались о том, чтобы написать… – собеседник сделал интригующую паузу, – …написать роман?

Он проницательно поглядел на меня своими ледяными глазками.

– Кто ж об этом не задумывался… – усмехнулся я.

– И правильно! – молвил Иван Степанович. – Правильно!.. Я хочу открыть перед вами все карты, уважаемый Алексей!

Издатель уже обошелся без отчества – будто полштуки баксов, что я засунул во внутренний карман, дали ему на это право. Скоро он, пожалуй, перейдет на «ты», подумалось мне.

– Буду с вами откровенным, – продолжил издатель. – Вы очень, очень, очень талантливый человек! У вас огромные возможности – каковые вы, верно, еще сами не осознаете! Когда мои редакторы отметили ваш рассказ и принесли его мне – я был поражен. И подумал: вот он! Вот тот самый человек, кто мне нужен!

Я сидел, довольно глупо ухмыляясь. Что может быть приятней для творческого человека, чем комплименты! Даже от такого не слишком симпатичного типа, как этот издатель.

– Молодой, умный, талантливый автор, – продолжил мой собеседник, – кто еще может составить славу новому издательству?!. Принести славу и, не скрою, разумеется, деньги!.. И нам бы очень, очень хотелось с вами работать!.. Как вам эта перспективка? – неожиданно спросил он.

Я глуповато пожал плечами. Боюсь, мне не удалось скрыть самодовольства.

– И для начала… – Иван Степанович сделал паузу. – Для начала мы бы хотели, чтобы вы написали для нас роман…

– Роман?

– Да-да, роман! Листов эдак на пятнадцать или даже на семнадцать!

– Листов? – довольно глупо переспросил я.

– Ну да, авторских листов. То есть страниц где-то триста пятьдесят, а то и четыреста. Возьметесь?

Он испытующе уставился на меня глазами-буравчиками.

– А какие условия? – не растерялся я.

Признаюсь, я бы взялся за роман безо всяких условий – лишь бы он пообещал мне, что книга будет напечатана.

– Условия? – несколько удивленно переспросил он и быстро ответил: – Условия – стандартные.

– То есть?

Своими вопросами я не с ним сражался – я с собой сражался, размякшим от комплиментов.

– Ну… – издатель сделал паузу, что-то, казалось, подсчитывая в уме, – пятьсот долларов аванса – сейчас, немедленно…

– То есть те, что вы мне уже дали? – быстро спросил я.

– А вы, Алеша, деловой человек… – несколько удивленно протянул собеседник. – Нет, не те. Еще пятьсот долларов. Затем одна тысяча долларов по сдаче рукописи. И далее – стандартные ройялтиз. То есть вы будете получать восемь процентов от каждой проданной книги… Так все получают, – быстро заверил он меня. – И никто не жалуется.

– Восемь процентов от розничной цены? – быстро спросил я. – Или от оптовой?

– Да вы действительно деловой человек, Алеша! – словно пораженный моими способностями, изрек издатель. – Нет, не от розничной. От оптовой. У нас же не Америка! Как мы можем, посудите сами, контролировать розничные-то цены! В «Олимпийском» на ярмарке книжка стоит двадцать пять рублей, в магазине – уже тридцать, а на лотке – все сорок. Как же за ними всеми уследишь-то!.. А ройялтиз – это очень, очень честная система. Можно сказать, партнерская.

Судите сами. Если мы продаем десять тысяч экземпляров вашей книжки – вы получаете, – он на секунду задумался, что-то прикидывая в уме, – пятьсот долларов; если мы продаем сто тысяч – ваша доля составляет уже пять тысяч; ну а если мы вдруг продадим миллион книжечек – вы получите пятьдесят тысяч американских долларов. Пятьдесят тысяч!.. – внушительно подчеркнул он. – Так что эта система выгодна прежде всего вам. У вас будет стимул лучше писать!

Я всегда настораживаюсь, когда слышу словообороты вроде: «очень честная система», «мы – партнеры» и «…это выгодно прежде всего вам». Очень уж они напоминают лексику напористых продавцов из телемагазинов. Однако… Однако предложений написать роман от других частных лиц, а также организаций ко мне как-то не поступало. Тем не менее я все-таки попытался сделать огорченное лицо и протянул:

– А вы будете получать девяносто два процента от каждой книги…

– А налоги! – развел руками издатель. – А налоги, Алеша!.. А аренда!.. А типография! А бумага! А пленки!.. Да вы бы знали, – Иван Степанович понизил голос до интимного шепота, – сколько я плачу за телефон!.. – Полуприкрыв глаза, он горестно покачал головой.

Это был, конечно, убийственный аргумент.

– А жанр? – спросил я.

Любому непредвзятому наблюдателю – включая, естественно, моего собеседника – после этого вопроса становилось, конечно, ясно, что внутренне я на все условия уже согласен.

– Жанр? – Издатель, казалось, непонимающе уставился на меня. – Жанр романа, вы спрашиваете?.. Конечно, остросюжетный! Какой же еще? Другой жанр и продаваться-то не будет!..

– Детектив? – деловито уточнил я.

– Хотя бы даже и детектив, – кивнул издатель. – Но не обязательно. Вы, наверное, представляете, в общих чертах, какие требования предъявляются к

такого рода произведениям?

Иван Степанович опять уставился на меня своими ледяными глазками.

– Представляю, – кивнул я. – Главное – своих героев надо любить. «Иначе, – процитировал я классика, – вы получите крупнейшие неприятности – слышите, крупнейшие!»

– Браво, – ровным голосом восхитился издатель. И добавил: – Браво. Приятно иметь дело с таким культурнейшим, начитаннейшим человеком, как вы, Алеша… Но к современному роману – такому, чтобы продавался, а не пылился бы на полках, восхищая одних только литературных критиков, предъявляются и другие требования. Непременные требования, Алеша!.. Непременные… Во-первых, нужна загадка. Тайна. Даже лучше – несколько тайн… Необходимы современные герои. Время действия – наши дни… Людям неинтересно читать о том, что творилось в каком-нибудь там одиннадцатом веке… Место действия – наша страна. Никаких там Джонов Смитов и Альфредо Борхесов… И еще кое-что нужно… – Он внимательно посмотрел на меня и раздельно проговорил, загибая пальцы: – Саспенс. – Первый загнутый палец. – Погони. – Он загнул второй палец. – Насилие. – Загнул третий. – И далее… Секс… Диалоги… Юмор… Любовь… Надежда… И хеппи-энд. Обязательно – хеппи-энд!..

– Прямая цитата из фильма Оливера Стоуна «Игрок», – словно бы в пространство проговорил я.

Издатель непонимающе посмотрел на меня, а потом по-прежнему ровным тоном проговорил:

– Браво. Браво и еще раз браво. Вы и это знаете… Вы сами все прекрасно, прекрасно знаете! Да и как могло быть иначе! Иначе вы не сидели бы здесь!.. Точнее – сидели бы, но не вы. – Издатель деревянно засмеялся. – Ну и антураж, конечно. Не забудьте про антураж!.. Мешок с долларами, красотка, пистолеты, погони, мордобой – все это, как говорится, приветствуется… Казино, азарт, тайна… Мистики можете подпустить… Народ и это любит… Но в меру, в меру… – Иван Степанович снова деревянно рассмеялся.

– И когда вы хотели бы получить от меня роман? – деловито спросил я.

– К первому июля, – быстро ответил мой собеседник. – Тогда мы его к октябрю выпустим. Октябрь, знаете ли, в нашем бизнесе самый бойкий месяц.

– Вы думаете, я успею к первому июля? – спросил я.

– Конечно же! Конечно! Никаких сомнений! Сегодня – семнадцатое апреля. До первого июля остается, – он задумался на мельчайшую долю секунды, – семьдесят четыре дня. Даже если отбросить все праздники и выходные, то получается – сорок восемь рабочих дней. Примерно в среднем… – мельчайшая пауза, – …по семь с половиной страниц в день. По семь с половиной, дорогой Алешенька! Разве это объемы для такого мастера, как вы!..

На меня произвела впечатление скорость, с которой издатель считал, – быстрее любого калькулятора.

– Впрочем, – понизил голос мой собеседник, словно желая сообщить мне нечто конфиденциальное (на мой взгляд, шептаться не было никакой нужды, потому что я был уверен, что во всей квартире мы с ним одни). – Впрочем, если вы вдруг слегка запоздаете и принесете рукопись десятого июля… двадцатого… Да бог с ним, – он махнул рукой, – даже тридцать первого июля – я не рассержусь и не буду применять к вам ровным счетом никаких санкций.

– Но я же работаю… – совершил я еще одну (кажется, последнюю) попытку покочевряжиться. – Хожу в офис…

– Для этого я и плачу вам аванс! – воскликнул издатель. – И премию поэтому заплатил! Чтоб вы ни в чем не нуждались!.. К тому же, – он опять понизил голос, – я уверен, что на вашем рабочем месте вам с большой радостью предоставят отпуск без сохранения содержания.

– Откуда вы знаете? – непроизвольно спросил я.

Ситуация у меня на фирме как раз складывалась таким образом, что мои работодатели с пребольшим удовольствием отправили бы меня в неоплаченный отпуск на пару-тройку месяцев.

– Знать я, конечно, не могу, – усмехнулся мой собеседник. – Просто догадываюсь. – Он поглядел на часы и добавил, уже несколько нетерпеливо: – Прошу меня извинить, у меня через десять минут назначена другая встреча. Итак, Алексей: да или нет?

– Да.

– Прелестно!

Издатель прихлопнул ладонями по столу. Встал, отошел к рабочему столу, вытащил из ящика очередной конверт с Дедом Морозом. Вернулся, бросил его на стол передо мной. Сказал:

– Здесь аванс. Можете пересчитать. Но на этот раз пишите расписку.

Он положил передо мной лист бумаги и авторучку.

Я придвинул к себе бумагу, однако авторучку вытащил из нагрудного кармана рубашки свою – «Паркер» с золотым пером, отцовский подарок на двадцатилетие.

– Пишите! – скомандовал издатель. – «Я, Данилов А.С., получил – прописью! – пятьсот долларов США в счет гонорара за написание… – успеваете? – …написание остросюжетного романа». Число. Подпись. Фамилия – разборчиво.

Я дописал, спросил, улыбнувшись:

– Неужели такая расписка имеет юридическую силу?

– Для суда не имеет, – сказал мой работодатель, прибирая к рукам расписочку. – А для какого-нибудь Ваньки из Солнцева очень даже имеет.

Намек был более чем прозрачен, и я сказал, усмехаясь:

– Да станет ли Ванька из Солнцева за полштуки баксов руки марать?

– А кто его знает, – неопределенно ответил издатель.

– А договор? – спросил я Ивана Степановича, по-прежнему развалясь на стуле.

Тот стоял посреди кабинета, выказывая все признаки нетерпения.

– А зачем вам сейчас договор? Вот сдадите рукопись – будет вам и договор.

Он еще раз глянул на часы. Намек более чем прозрачный. Я встал, пошел к двери. Издатель отправился провожать – казалось, он вытесняет меня из кабинета.

– Ну, очень, очень приятно было познакомиться с вами, – повторил он, протягивая мне на прощание руку. – Надеюсь, дорогу вы найдете.

Он распахнул передо мной дверь. В предбаннике, как и час назад, никого не было – да и во всей квартире-офисе по-прежнему, казалось, не присутствовала ни единая живая душа. Я направился к двери, ведущей на лестничную клетку, но на полдороге остановился, оглянулся и спросил:

– Как ваше издательство-то называется?

Иван Степанович, уже собиравшийся затворить дверь в кабинет, задержал свое движение и через порог удивленно переспросил:

– Издательство?.. Ах, да… – И быстро проговорил: – «Первая печать».

– «Первая печать»? Это в честь первопечатника Федорова, что ли?

– Да-да… – рассеянно и, очевидно, думая о другом, подтвердил издатель и захлопнул белую дверь, ведущую в свой кабинет.

…Не помню, как я сбежал по загаженному подъезду, вышел в таинственно молчащий двор, очутился на сверкающей боками лимузинов и витринами улице… Как шел пешеходным переулком к машине, открывал ее… Как отвалил на радостях парковщику, не считая, двадцать рублей… В голове моей билось одно: «Меня признали!.. Мне заказали роман!.. Я стал на тыщу долларов

богаче!.. Скоро у меня выйдет книжка!.. Я стану богат и знаменит!..» Казалось, что я сделался выше ростом, и плечи у меня развернулись шире, и за один шаг я преодолеваю метров пять-шесть, словно бы человек, бегущий по Луне… Я не замечал прохожих, солнце светило в унисон моей радости, девушки улыбались мне, будто знали о моей победе…

Я был, словом, совершенно счастлив, но, как я давно заметил, абсолютного, как солнце, и ничем не омраченного счастья, увы, никогда не бывает… И поэтому где-то глубоко-глубоко во мне, в самых толщах сознания, слегка, почти незаметно, зудели мысли – словно послевкусие от чрезмерно спелого плода, словно воспоминание о съеденном червяке… Тоненькие такие, бледные мысли о странном одиноком редакторе в роскошно-деловых апартаментах, о пустом настороженном дворе, о брошенном, будто при спешной эвакуации, подъезде… Вдруг всплыла перед глазами кукла, увиденная мною в пустой, покинутой всеми квартире: раскоряченная, без руки – на полу, присыпанном крошками кирпича и штукатурки…

Алексей Данилов.

Два дня спустя – 19 апреля, среда.

Я никогда столь скоро не согласился бы на предложение неожиданного издателя писать роман, когда б он уже не сложился у меня в голове. Имелся сюжет. Придуманы были герои. Разработан и записан подробнейший план. Оставалась, в сущности, чепуха: сесть да написать.

Чтобы сделать это раньше, не хватало только времени. А точнее, если быть честным перед самим собой, воли. Решимости начать.

Но теперь-то, когда я получил аванс от издательства со странным названием «Первая печать», отступать мне некуда.

Посему к сегодняшнему утру, утру среды, я приготовил все, чтобы приняться за работу. Чтобы меня ничто не отвлекало.

Полтора дня, прошедшие с той минуты, как я вышел из кабинета холодноглазого Ивана Степановича, я посвятил тому, чтобы создать себе все условия для полноценного затворнического труда.

Первым делом я отправился в контору и испросил у американского директора нашей фирмы мистера Брюса Маккагена очередной отпуск на четыре недели, плюс к тому – отпуск без сохранения содержания сроком на шесть недель. Господин Маккаген отпустил меня без сожаления и даже, как мне показалось, с удовольствием. Спросил только: «Что-то случилось, Альеша?» – «Семейные обстоятельства», – подпустил я туману. Брюс сочувственно покивал головой.

Меня столь легко отпустили с работы оттого, что в данное время мои услуги – переводчика с испанского и португальского – фирме нужны были, как тореадору балалайка. Только что мы отработали огромаднейший контракт с испанской винодельческой компанией – вот тогда мне приходилось пахать, словно виноделу на празднике урожая – по четырнадцать часов в сутки. Теперь же все обязательства перед испанцами мы выполнили, и мое пребывание в конторе нельзя было расценивать иначе, нежели оплачиваемый отпуск – правда, с обязательным посещением рабочего места. Не сомневаюсь, что при других обстоятельствах мне просто указали бы на дверь – у американцев не забалуешь, они не любят, когда кто-то даром заедает их хлеб, – но в конце лета предстоял, как поговаривали, еще один испанский заказ, да куда более грандиозный, чем предыдущий, – от «Сеата». Вот тогда мои знания снова могли быть востребованы. Тем паче что я разбирался не только в языке, но и в машинах. А моей работой начальство в принципе было довольно и, видать, сочло неразумным сейчас выставлять меня на улицу, а в августе срочно подыскивать нового переводчика. И все-таки за последние недели я не раз ловил на себе напряженный взгляд мистера Маккагена, чье честное сердце, видать, терзала мысль о вопиющей бесхозяйственности при виде сотрудника, в рабочее время бесконечно распивающего чаи и почитывающего книжечки. Он даже попросил меня заняться совершенно никчемушной работой: составить обзор-дайджест испаноязычных статей и книг о рекламе, вышедших за последние два года. Попросил и сделал вид, что забыл и обо мне, и об обзоре.

Так что весть о моем длительном отпуске мистер Брюс Маккаген воспринял, повторяю, с плохо скрываемым удовлетворением – даже дайджест не потребовал. Только одна мысль забавляла меня: я-то легкость, с какой получу отпуск, мог предвидеть – но вот откуда мой издатель, господин Иван Степанович Козлов, знал (или подозревал?) о сем обстоятельстве? Неужели у него имеется

сеть шпионов и он проверяет всякого контрагента, с кем делится одной тысячью долларов? Что-то, судя по пустынности его офиса, это маловероятно…

Коллегам я сказал, что беру отпуск по семейным обстоятельствам и убываю домой, в Южнороссийск. Одной только Таньке Садовниковой – все ж таки соседка по дому, рано или поздно мы с ней столкнемся на лестнице, и получится неудобно – я шепнул полуправду: дескать, получил на РенТВ заказ на перевод мексиканской мыльной оперы. Танька при упоминании о латиноамериканском «мыле» брезгливо сморщила губки, а узнав, что я отправляюсь в отпуск, протянула нараспев: «Нам тебя будет не хвата-а-ать!..» Я пообещал, что как-нибудь загляну к ней по-соседски в гости, затем получил в бухгалтерии причитающиеся мне шестьсот отпускных баксов – и был таков.

Затем я поменял на рубли две американские сотни, собрал все имевшиеся в доме полиэтиленовые пакеты и отправился на продуктовый рынок. Там я купил то, что в моем понимании требовалось для затворнической жизни: двадцать упаковок пакетного супа, двадцать пакетов быстрорастворимых каш, пять пакетов молока, десять замороженных пицц, два кило самых лучших копченых сосисок, два батона сырокопченой колбасы, пять упаковок йогуртов, оковалок сыра, пяток шоколадок… И так далее, включая ящик пива «Балтика» номер четыре, два чана с родниковой водой и, самое главное, два килограмма кофе в зернах. Затем по пути домой я завернул в гастроном и прикупил алкоголь: по бутылке водки, коньяку и белого французского вина – на случай, если ко мне заглянет незваный гость, неважно какого полу.

«Самое обидное, – думал я, таская все это богатство из багажника «копейки» к себе на третий этаж (провизии оказалось много, пришлось даже сделать два захода), – заключается в том, что мне даже не с кем поделиться своей радостью. Победитель конкурса! Халявная штука баксов! Контракт!.. Роман!.. Своя книжка!.. А рассказать решительно некому. Коллеги по фирме исключаются. Зачем выставлять себя в качестве мишени для их остроумия?.. «А, Алешка! Романист! Беллетрист! Русский Сидни Шелдон!»

Заклятым друзьям по переводческому семинару говорить тем более не стоило: я представил, как ехидно-завистливо скривятся их физиономии, как фальшиво зазвучат поздравления… По тем же причинам категорически можно отмести коллег по другому семинару – литературному.

Разве что позвонить в Южнороссийск отцу? Но папаня и без того не в восторге от методов, какими я строю свою судьбу: ни от моего филологического образования, ни от того, что я остался в столице, ни от моих литературных потуг… Единственное, что я смогу услышать от него в ответ на мою радостную новость, это снисходительное хмыканье и совет: «Давай лучше возвращайся. Пристрою тебя к делу. Где родился – там и пригодился!» Это я слышал уже раз тридцать: отец долдонит одно и то же, словно попугай…

Может, сказать Верочке? Звонить-то ей все равно придется – иначе она сама достанет меня звонками и непрошеными визитами. Однако самым разумным представлялось не делиться с ней своей радостью и уж ни в коем случае не признаваться, что я собираюсь затвориться и работать, работать, работать… Наиболее правильно, решил я, сказать ей вот что: до свиданья, дорогая, прощай, я уезжаю в командировку – надолго, очень надолго… Может быть, навсегда. Очень подходящий случай, чтобы прервать мои с ней отношения. Все равно у них нет никакого будущего – невзирая на ее московскую прописку, жилплощадь и ее горячее, ничем не прикрытое желание меня на эту площадь прописать (посредством, разумеется, бракосочетания). До сих пор я уворачивался от ее аркана, как только мог, ибо даже в самых ужасных снах не мог представить себе совместную жизнь с женщиной, которая тащится от индийского кино, поэта Эдуарда Асадова и группы «Руки вверх».

«Правда, – подумал я, – тогда мне предстоит лишиться ее даровых сексуальных услуг. И стану я жить в своей пустыни совершеннейшим отшельником. Некогда будет тратить время и силы на поиск, а главное, охмурение нового объекта. А как же сброс излишней сексуальной энергии? Как же молодой задор, огонь в крови? Пару месяцев поститься и терпеть – в моем возрасте не шутка… Но, быть может, поставить на себе опыт воздержания? Кажется, китайские мудрецы эдак и поступали. Экономили свою животворную силу для творчества. Может, правильно делали: меньше секса – крепче фраза. Пусть нерастраченное либидо сублимируется в образы и действие. А если уж станет совсем невмоготу, я смогу воспользоваться древним подростковым способом…»

Итак, решено: Верочке не звоним. Вообще не звоним. А через пару дней просим у кого-нибудь мобильник и говорим якобы по междугородке: «Дорогая, я в Барселоне-е-е… Вернусь не скоро-о-о…» И – ту-ту-ту, короткие гудочки…

«Единственные люди, – думал я, запихивая в холодильник провизию, – кому бы я и мог, и хотел рассказать о своих радостных новостях, это Димка, Алик и

Андрюха. Три друга детства. Три мушкетера…»

Но все трое находятся далеко от меня, очень далеко, вне пределов досягаемости. Димка обосновался в городе Орле и даже не удосужился сообщить свой новый номер телефона. Алик жил в Канаде. А Андрюха… Эх, Андрюха… Андрюха вот уже год пребывал вне пределов досягаемости даже самых изощренных средств связи… В таких высотах он находился, откуда ни привета, ни ответа…

«Зачем, – в который раз подумал я, – ты, Андрюшкин, сделал это… Почему меня тогда не было с тобою рядом… Глядишь, я б удержал тебя от последнего, рокового шага… Глядишь, ты был бы жив и весел, и не пришлось бы нам зарывать тебя в землицу на Хованском кладбище, и приезжать к твоему кресту в гости, и собирать деньги на памятник… Эх, ты был лучшим из нас, а смерть, как известно, выбирает лучших и выдергивает по одному… Ну, ничего, Андрюха, – подумал я, – я поставлю тебе иной памятник. Нерукотворный».

Я давно уже решил для себя, что главный герой моего романа будет один в один Андрюхой: высокий, красивый, остроумный каратист с гривой соломенных волос. И он, мой герой, в отличие от того, что случилось в жизни, не погибнет – нет, он пройдет через все испытания, и победит врагов, и соединится с прекрасной девушкой… И ты, Андрюха, стало быть, будешь жить эти два месяца под моим пером, а потом еще долго, долго – всегда! – под обложкой книги…

Я перегнал свою ярко-красную «копейку» от подъезда к березе под моим окном. Буду видеть ее во время работы. Подумал было снять аккумулятор – да потом решил: не стану. Не зима, чай. Аккумулятор не сядет. И потом – вдруг мне куда-нибудь приспичит срочно поехать?..

И вот в среду, семнадцатого, в назначенный самому себе день, я встал без всякого будильника ровно в назначенный самому себе час – девять ноль-ноль. Прошлепал на кухню варить кофе.

Я чувствовал себя полководцем перед битвой: обозы подтянуты, войска развернуты, шашки наголо. Оставалось услышать сигнал трубы и слова, призывающие ринуться в атаку. Марш-марш, вперед – победа будет за нами!

Я уже знал, что я напишу. В моем романе предстанет все, что положено в произведениях массовой литературы: месть, любовь, кровь, красота, пистолеты, насилие, секс, погони, выстрелы, драки, бандиты, мешок долларов, казино, бриллианты, красотки, предательства, смерть и юмор… Все, чтобы удовлетворить самого взыскательного из всех невзыскательных читателей. Но, помимо того, в нем будет могучий второй план: где-то глубоко-глубоко, как чистый подземный ключ: легчайшая ирония, и радость от затеянной мною, автором, игры, и искренняя любовь к героям… И этот второй план удовлетворит даже самого взыскательного из всех моих взыскательнейших читателей! Даже критиков, черт бы их побрал, удовлетворит! Хотя начхать, честно говоря, мне на высоколобых критиков – понравилось бы мое произведение соседке Таньке, да Армену, да его жене… И тысячам (а может, миллионам?) других так называемых простых читателей…

Первую чашку крепчайшего турецкого кофе я выпил на своей крошечной кухоньке. Затем тщательным образом побрился, сварил себе еще кофейник и отправился вместе с новой чашкой ароматнейшего кофе за рабочий стол, где уже стоял наготове, в ожидании меня, распахнутый ноутбук, отцовский подарок.

…К шести вечера я уже нашарашил пятнадцать страниц. Я сам удивлялся, как быстро и легко продвигается мое произведение. Герой – точь-в-точь Андрюха, и кровавая завязка, и погоня, и тайна… За это время я выпил чашки четыре, а может, пять кофе, съел в один из приступов голода четыре копченые сосиски с хлебом и кетчупом. К шести я решил сделать перерыв, дело было на мази, никто меня не беспокоил ни телефонными, ни входными звонками. За окном прихватывался злой дождь, быстро кончался, и снова светило солнце, я выходил на балкон в одной рубашке, грелся, и молодая ярко-зеленая трава перла на газонах – она росла прямо на глазах, как и мой роман…

Итак, в шесть вечера я остановился, включил на кухне древнюю газовую колонку и направился в душ. Вымылся, затем десять раз устроил себе контрастное обливание: кипяток, а после ледяная вода и снова кипяток… Вышел голый, растираясь полотенцем. Пошлепал босиком бесцельно по кухне, затем по кабинету… И тут увидел: мигает автоответчик. Кто-то звонил, пока я принимал душ.

Я нажал кнопку «new message»[3 - «Новое сообщение» (англ.).] – однако из телефона не донеслось ни слова. «Черт, старая рухлядь, – подумал я, – опять автоответчик не записал „мэссидж“ или записал на кассету куда-то в другое

место». Эдакое подлое свойство за моей отвечательной машиной водилось. Надо сказать, что автоответчик у меня древний, купленный за гроши в прошлом году на мадридской барахолке. Не современный – цифровой, а старинный, кассетный. И что-то мой старичок дурит: то не срабатывает, то не записывает, а порой возьмет да запишет последнее сообщение куда-нибудь в начало кассеты.

Я решил попробовать отыскать слова того, кто звонил, покуда я мылся. Перемотал кассету на начало и взялся слушать все сообщения подряд. Первым оказалось английское представление. Механический голос размеренно читал: «Hallo, we are not available now. Please leave your message after the beep. We will return your call»[4 - «Нас сейчас нет дома. Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала, и мы вам перезвоним» (англ.).]. Далее, после писка, вдруг раздался взволнованный, запыхавшийся женский голос, он тоже говорил по-английски: «Huan! Huan! Call me right now, please! Please! It's extremely urgent! I need to speak with you!»[5 - «Хуан! Хуан! Пожалуйста, очень срочно позвони мне!.. Пожалуйста! Ты очень нужен!.. (англ.).] Голос прерывался на полуслове.

Я подивился: как же это я купил механизм и даже не удосужился прослушать его? А на нем, оказывается, оставались голоса прежних хозяев. Как интересно! Какой забавный привет с другого конца света, из другой страны и иной жизни передает мне мой же автоответчик!..

Интересно, что это за женщина?.. И кто такой Хуан? И зачем он столь срочно ей тогда понадобился? И откуда она звонила?.. Мне показалось, что говорила она из автомата – фоном слышались звуки иноязыкой улицы… И почему ее голос прервался на полуслове?.. Кончились монеты?.. Или?.. Или с ней что-то случилось?..

Я вспомнил: автоответчик мне продал на барахолке в Мадриде здоровенный, уголовного вида негр – я еще тогда подумал, что механизм ворованный… Он, этот негр, вот уж никак не мог быть Хуаном… Надо же, подумал я, какие сюжеты подбрасывает жизнь… Ни в каком романе не придумаешь… Сюжеты без начала и конца, без кульминации и развязки… Просто взял и дуновением долетел до меня, постороннего, кусок из чужой, иноземной судьбы… Возможно, какая-то драма скрывалась за этим напряженным, взволнованным, оборванным на полуслове женским голосом…

В поисках продолжения истории – ее, возможно, содержала магнитная лента – я нажал кнопку «Play». Автоответчик пискнул, и до меня донесся голос, но он уже

говорил по-русски. Значит, этот голос уже из моей судьбы.

«Але, Алеха, – с бархатно-ленивыми интонациями проговорил механизм, – как придешь, срочно позвони мне, сын мой…»

Я обмер. Я бы узнал этот голос из тысячи. Эти глубокие, с полунасмешливой растяжечкой, интонации. Это обращение «Алеха» и покровительственно-усмешливое «сын мой». Так меня называл только один человек, Андрюха. Андрюха, который вот уже год, как покоится на Хованском кладбище.

Меня прошиб холодный пот. Как был, голый, я уселся на диван рядом с телефоном. С усилием глотнул и нажал на «Rew». Лента с шорохом прокрутилась. Я отчаянно ткнул в кнопку «Play». И опять все повторилось: «Але, Алеха, как придешь, срочно позвони мне, сын мой…» Боже! Никаких сомнений: то голос Андрея.

Как загипнотизированный, я снова нажал на «Play». Что же там дальше?!

Раздался писк, а затем проигралось новое сообщение. Зазвучал голос Верочки – его я бы тоже узнал из миллиона. «Это я, – сказала она с непередаваемо кокетливыми интонациями. – Ты обзавелся автоответчиком? Поздравляю… Но если ты вернулся и не очень занят, то можешь позвонить мне домой. Жду-у!»

Это сообщение я, как ни странно, помнил. Я однажды уже слушал его. Оно относилось к завязке нашего с Верочкой романа. Стало быть, к временам примерно годичной давности. Ну да: год назад, десятого мая, как сейчас помню, я вернулся из Мадрида. Установил автоответчик… Именно к маю могут относиться первые русскоязычные сообщения, записанные на нем. Но тогда почему я не помню сообщения Андрея? Более того, уверен: ни разу не слышал его. А самое главное: мог ли вообще он мне звонить на автоответчик?

Андрея нашли мертвым, я это помнил очень хорошо, в его квартире одиннадцатого мая прошлого года. Как раз я только прилетел из Мадрида, отсыпался, и меня разбудила телефонным звонком зареванная Машка: она открыла его дверь своим ключом, вошла и обнаружила его в одних трусах, на полу на кухне, среди расшвырянных пустых бутылок… Он, как рассказали мне потом, пребывал в запое с первого мая, у него в квартире менялись партнеры и партнерши, они приносили выпивку и, кажется, наркотики тоже… Машка не

выдержала, убежала… А появилась у него только одиннадцатого…

А когда он умер? Врачи сказали тогда, что девятого – девятого, в День Победы, я это точно помню… И на могиле его написана дата смерти: девятое мая… девятое…

Но если он умер девятого, как же он мог позвонить мне на автоответчик?! Я прилетел, распаковал вещи и сразу установил новую игрушку – автоответчик, вечером десятого мая. Десятого! А девятого я еще гулял по Мадриду, а «отвечательная машина» стояла, запакованная, в моей комнате на третьем этаже особняка моей двоюродной тетушки…

Может, врачи тогда с Андрюхой ошиблись? И смерть наступила не девятого мая, а все-таки десятого? И вечером десятого, пока я спал в московской квартире, Андрюха еще был жив и звонил мне? А я, я не прослушал тогда его сообщение?.. Как иначе можно объяснить появление Андрюхиного голоса на пленке?!.

Меня прошиб озноб, а может, то был холодный ветер, вдруг подувший из распахнутой балконной двери. Береза закачала всеми своими ветвями, и через секунду хлынул дождь. Капли застучали по балкону, по ветвям и асфальту. За окном сразу стало темно.

Я нацепил джинсы и старую ковбойку. Захлопнул балконную дверь. Включил свет. Сразу стало уютней и как-то защищенней.

Мимоходом, проходя по комнате, я заглянул в ноутбук. Уходя в душ, я оборвал фразу на полуслове.

На экране светилось черным на белом фоне: «Андрей выхватил…» – и все, далее девственная экранная белизна. «Боже, какое совпадение, – подумалось мне, – я принимаюсь за роман, где главного героя зовут Андреем, – и тут живой, еще не ушедший навсегда Андрей передает мне со старой пленки свой последний привет». Что-то было такое в раннем рассказе Кортасара. Но там только что умерший человек звонит жене… Чистая мистика: отлетающая душа словно просит прощения у еще живого, обиженного ею человека… Но я-то не в рассказе Кортасара. Не под небом знойной Аргентины. Я в невзрачном на вид кирпичном доме, на скучнющей московской улице Металлозаводской.

И я не верю в загробную жизнь, духов, привидений, спиритизм и оккультизм. До сих пор все происходившее со мной (и миром) я объяснял с материалистических позиций. И, надо сказать, с этих позиций материализма все-гда все объяснялось.

Вот и будем по-прежнему придерживаться подходов, проверенных временем и философами. Звонок от Андрея в начале автоответчика мог означать только одно: десятого мая прошедшего года он еще был жив. Врачи, похоже, ошиблись. Он был жив – и он пытался дозвониться до меня. Значит, зачем-то я ему оказался нужен. И, кто знает, возьми я тогда трубку, может, я сумел бы спасти его. Господи. Господи…

А если он звонил мне оттуда?

Я вздрогнул и отогнал эту мысль. Он мне не был ничего должен – ни в материальном смысле, ни тем паче в духовном. Значит, нет ему нужды звонить мне оттуда – говорить о чем-то недоговоренном…

Надо бы прослушать ленту ответчика дальше, вяло подумал я. Кто знает, может, там притаились и другие записи-сообщения, которые я не удосужился прослушать раньше? Может, пленка хранит и другие загадки?

Я присел на диван у телефона, нажал кнопку. Автоответчик пискнул, раздался голос… Отец из Южнороссийска… Этот звонок годичной давности я тоже помнил…

Я прослушал ленту до конца, затем перевернул кассету и выслушал сообщения на противоположной стороне. К счастью (а может, к сожалению), ничего загадочного больше на пленке не имелось. Голоса все знакомые, сообщения обыденные, от живых, хорошо известных мне людей. Верочка. Отец из Южнороссийска. Димуля из Орла… Соседка Татьяна Садовникова, библиотекарша из БиЛ, мистер Брюс Маккаген, опять Верочка… Тексты самые обыкновенные: «Привет, перезвони, когда вернешься…» А главное: все (или почти все) эти сообщения я помнил. Все их я когда-то уже прослушивал.

Мне на автоответчик в общей сложности за этот год поступило неизмеримо больше звонков. И непонятно, по какому принципу «отвечательный механизм» одни «мэссиджи» стирал, а другие зачем-то сохранял в своей памяти.

Когда я закончил свое исследование, меня нестерпимо потянуло вернуться к началу пленки – так притягивает к себе и одновременно ужасает глубокая и смертельно опасная пропасть. Я перемотал кассету и, внутренне содрогаясь, нажал на «Play». И опять услышал сначала задыхающийся, спешащий женский голос по-английски на фоне уличных шумов: «Huan! Huan! Call me right now, please! Please! It's extremely urgent! I need to speak with you!» Потом противное пищание и глубокий, бархатный, спокойный и совсем непьяный голос Андрея: «Але, Алеха! Как придешь, срочно позвони мне, сын мой…» Ничего нового не появилось на пленке. И я ничем не мог объяснить происхождение этих звонков.

И я снова перемотал кассету и выслушал снова: «Huan! Huan!» И так далее. А затем: «Але, Алеха! Как придешь, срочно позвони мне, сын мой…»

Работать совсем расхотелось – больше того, я подозревал, что на сегодня для меня рабочий день безнадежно потерян. Я решительно выключил ноутбук, оборвав на полуслове свое романное предложение: «Андрей выхватил…»

Поплелся на кухню, достал из морозильника пиццу, засунул ее в духовку, включил газ. Когда пицца зарумянилась, вытащил ее, бросил на тарелку, вынул из холодильника бутылочку пива и отправился в комнату на диван. Включил телевизор – как раз успел к восьмичасовым новостям по РТР.

Поел, ломая пиццу руками, запивая пивком прямо из бутылки, поглощая заодно новости.

После еды и спиртного отяжелел. Глаза сомкнулись сами собой.

Еще хватило сил выключить телевизор, перебраться в спальню, раздеться и юркнуть под одеяло.

Через секунду провалился в сон.

Кошмары меня не мучили.

Алексей Данилов.

Следующее утро —

20 апреля, четверг.

Вчера я заснул столь стремительно, что не успел задернуть гардины, и весеннее утро с его солнцем, чириканьем воробьев и громогласными дворничихами, обрушилось на меня всей своей яркостью. Поглядел на часы: семь утра. Спать не хотелось. Шутка ли: продрых без просыпу с девяти, почитай, вечера. А медики утверждают, что один час сна до полуночи по глубине и крепости приравнивается к двум часам после. По их арифметике я отключился едва ли не на двенадцать часов!

Настроение у меня оказалось на удивление безоблачным. Вчерашние страхи и тайны, связанные с загадочными голосами на автоответчике, отступили. Они уже казались мне мелкими, не более булавочной головки. Я бодро вскочил с постели.

Первым делом сварил себе кофе. Затем принял душ, испил еще одну чашечку ароматной, крепкой отравы и ровно в восемь, словно по заводскому гудку, включил свой станок-ноутбук.

Перечитал написанное вчера. С гордым удивлением отметил, что мне нравится. В первых страницах романа есть и стиль, и напряжение, и действие. И то, что сейчас называют модным словцом «драйв», а я привык именовать эту не очень объяснимую вещь по старинке – вдохновением.

Минуту-другую я раздумывал – в свете вчерашней записи на автоответчике, – а не переименовать ли мне героя? Какие-то странные, прямо-таки мистические происходят совпадения… Однако я быстро понял, что после написанного вчера главное действующее лицо для меня все равно Андрей, и никем другим, кроме Андрея, он быть уже не захочет.

И я оставил все как есть. Ровно с того места, где остановился вчера: «Андрей выхватил…» – я принялся строчить дальше.

Меня подогревала мысль, что, продвигаясь теми же темпами, я закончу свое «послушание» к середине мая, сберегу тысячу долларов и завьюсь куда-нибудь

на Кипр… Кроме того, меня подстегивало видение книги с огромными буквами на обложке – АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВ: вот она выставлена в витрине магазина «Москва» на Тверской, а к ней пришпилена бумажка со словами «Лучшие продажи в октябре!!!«А потом… Потом я уже целиком погрузился в собственный роман и не думал ни о чем, кроме героев и их действий, и не замечал вокруг себя ничего – ни времени, ни пространства.

Очнулся около десяти, закончив первую главу. Победительно продекламировал: «Покамест своего романа я кончил первую главу!»

Солнце жарило совсем не по-весеннему. Я распахнул балконную дверь. Оттуда повеяло теплом. Гигантская береза под окном еще не распустилась, но уже проклюнулись из почек зеленые микроскопические точки. Еще пару дней такой теплыни – и она зазеленеет. Я вышел в одних трусах на балкон и посмотрел вниз на машину – моя «копеечка» грустила, покинутая хозяином. «Держись, подруга, я с тобой», – вслух проговорил я.

Не превратятся ли, интересно, к концу затворничества разговоры с самим собой у меня в привычку? Не хотелось бы…

Я отправился на кухню, сделал себе быстрорастворимую кашу. Питаться по вдохновению, а не по звону рельса, подумалось мне, – еще один несомненный плюс писательской профессии. Заварил очередную чашечку кофе и, пока помешивал его, думал о своей героине.

Ей следовало сейчас впервые появиться в моей книге. Я очень хорошо представлял себе ее внешность – молода, стройна. Хороша собой, дочерна загорелая… Попивая кофе, я искал в уме слова, чтобы представить ее читателю. Я очень хорошо воображал ее и главным в портрете видел смуглый цвет ее кожи. Загар, за которым словно встанет во весь свой жар солнечное южное лето, теплое море, соленые брызги…

Забрав с собой кофе, я вернулся в комнату к ноутбуку. Отхлебнул, поставил чашку на стол. Написал первую фразу главы: «К концу лета Наталья становилась черной, словно негритоска…» Споткнулся. Подумал. Нет, пожалуй, «негритоска» – нехорошее слово. Вульгарное. И смотрится коряво. Стер. Задумался. Написал: «…словно негритянка». Негритянка… И эдак плохо. Какое-то оно невыразительное, тусклое, обшарпанное, это слово, – «негритянка».

Значит, надо искать что-то другое, подумал я. Делов-то! Откажусь от одного образа – явятся два других. Только выбирай. Я все могу!..

Откинулся в кресле, потянулся. В этот момент грянул звонок в дверь.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Я никого не ждал. Ошиблись? Мальчишки дурят? Соседка зашла за солью? Я выждал секунду, но звонок раскатился еще раз – требовательно, по-хозяйски.

Вздохнув, поплелся открывать. Глянул в «глазок». Взгляд мой, утомленный солнечной комнатой, разглядел на сумеречной площадке лишь абрис фигуры. Фигура женская, молодая, полноватая. И незнакомая.

Я щелкнул замком и без боязни распахнул дверь. И только теперь сообразил, что пребываю в одних трусах. Но поздно – дверь растворилась, и я оказался лицом к лицу с женщиной, одетой не по погоде в демисезонный бесформенный плащ. Но не это поразило меня – а то, что пожаловавшая ко мне особа была негритянкой.

Прямо на меня смотрели иссиня-белые глаза. Курчавые спиральки волос уложены в затейливую прическу, украшенную разноцветными фенечками. Гладкий чернющий лоб. Мясистый черный курносый нос. Черные щеки, изрытые оспинками. Толстые красно-черные губы.

Секунду продлилась ошеломленная пауза. Затем негритянка спросила:

– Я хотел у тебя узнавать, где есть Андрей?

Говорила она по-русски, сразу же назвала меня на «ты», акцент ее был неуловимым и неопределяемым (не испанский, не английский, не французский…), во рту блистали большие зубы, глаза ее с бесстыдным любопытством осматривали мою фигуру, а пахло от нее чем-то ароматно-сладким и не духами, а ее телом – телом человека другой расы.

– Кто это – Андрей?

Собственный хриплый голос показался мне чужим.

– Он живет здесь, – утвердительно произнесла она.

Она стояла очень близко ко мне – так близко, как никогда не подходят к незнакомому человеку наши, белые, девушки, и ее очень светлые глаза впивались мне прямо в зрачки. Было в этом приближении и этом взгляде что-то греховное, неуловимо сексуальное.

В первый момент я чуть не брякнул: «Он умер год назад!» – имея в виду моего погибшего друга, тоже Андрюху. Но мгновенно одумался: «Что за чушь! При чем здесь тогда моя квартира?! Наверное, мужика, что раньше здесь жил, тоже звали Андреем… Правда, он тоже мертв».

– Андрей здесь больше не живет, – твердо сказал я.

– А где?

– Не знаю.

Ее зрачки по-прежнему пристально всматривались в мои глаза и, казалось, прямо мне в мозг.

– А кто знает? – спросила она.

– Не знаю, – опять, словно попугай, повторил я.

– Я хочу пить, – потребовала она.

– А я тут при чем? – грубо отреагировал я.

Она стояла, не меняя позы, на лестничной площадке, очень близко, и ее большие, белые, с красненькими жилочками глаза по-прежнему впивались в меня. Хотелось разрушить наваждение. Скорей бы она ушла!

– Ты дай мне воды.

Она говорила все время с одной и той же, утвердительной, безапелляционной интонацией.

– Воды нет. Я не знаю, где Андрей. До свиданья.

Я запыхался от столь длинной фразы. Вдруг на долю секунды увидел себя и ее со стороны – как если бы нас снимали камерой, установленной наверху на лестнице: лицом к лицу, глаза в глаза. Стоят полная негритянка в белом плаще, в позе гипнотизирующей колдуньи, и голый белый человек, инстинктивно положивший руку на косяк – жестом, защищающим свое жилье. Наваждение, эта картинка, длилось мгновение, а потом я снова обнаружил перед собой ее очень белые зрачки и с усилием повторил:

– До свидания. И не звони сюда больше.

Ее фраза: «Я приехала издалека», – жалобно прозвучала, когда я уже закрывал перед ее носом дверь.

Я вернулся в комнату, бросился на диван и стал ждать, когда она позвонит снова. Она не звонила. Прошла минута. Две, три.

Тихонечко подошел к входной двери и глянул в «глазок». На площадке ее не было. Я и обрадовался и отчего-то огорчился этому.

Вернулся в комнату. Вышел на балкон.

Мой балкон выходил на противоположную от подъездов сторону, и никого, ни единой души – черной ли, белой – я не увидел.

Вернулся к столу. Сердце потихоньку успокаивалось, дыхание приходило в норму. «Ну, негритянка, – сказал я вслух. Голос уже не казался мне самому чужим и хриплым. – Подумаешь, негритянка. Учится где-нибудь в Лумумбе. Или тверском педе. Или в ивановском… Ну, трахнул ее бывший жилец. Она забеременела. Или просто соскучилась. И решила навестить… Ничего удивительного…»

Я встал, крадучись прошелся ко входной двери и посмотрел в «глазок». Площадка пуста.

Возвратился в комнату, уселся за стол, нажал на Enter, согнав screen saver` ов[6 - Хранителей экрана (англ.).] – аквариумных рыб. На экране оставалась недоконченная фраза: «К концу лета Наталья становилась черной, словно…» – и далее молочная белизна. Белизна, которая словно сторожила и меня, и каждое мое слово.

«Какая чепуха! – подумал я. – Бред!.. Нет, ну каково совпадение! – мысленно воскликнул я, стараясь быть материалистичным, веселым и ироничным. – Стоит мне написать «негритянка» – и бах, появляется негритянка. А если б я написал «эскимо» – возникло бы эскимо? А написал бы «шоколадка» – материализовался бы шоколад? Может, мой ноутбук стал исполнителем желаний?»

Чтобы проверить себя, я, стараясь оставаться ироничным и отстраненным, напечатал: «Свежий хлеб».

Подождал минуту.

Разносчики хлеба в дверь не звонили.

Тогда я напечатал: «Астраханская вобла». Прислушался, и опять тишина. Тогда я, развеселившись, написал: «Раки», секунду подумал и добавил: «Вареные».

Ни воблы, ни раков – сырых ли, вареных – не появилось.

Окончательно придя в себя, я стал печатать: «Свежие газеты». Потом: «Феррари F550 Маранелло». Затем в столбик:

«Жареная утка,

костюм от Кензо,

собрание сочинений Кафки,

лазерный принтер,

носки от Черутти,

вице-премьер по социальным вопросам…»

Как и ожидалось, ни «Феррари», ни жареной утки, ни вице-премьера предо мной не возникло.

Я выделил черным всю напечатанную мною галиматью – включая, до кучи, и первую фразу главы. Решительно нажал «Delete».[7 - «Уничтожить» (англ.).]

Экран освободился, и я решил начать все сначала.

Но предварительно следовало освежиться пивком. Столь некстати заявившаяся живая негритоска отняла у меня, признаться, слишком много сил.

В то же самое время.

Наташа Нарышкина.

Наташе никогда не случалось смотреть цветные сны. Она даже маме жаловалась: все черно-белое снится. Скучно как-то. Неярко, некрасиво. А мама сказала тогда: «Радуйся, глупышка. Цветные сны обычно психи видят. Или очень творческие натуры». Наталья тогда порадовалась, что она не псих. И немного расстроилась, что к творческим натурам тоже, выходит, не относится. Как же она тогда станет известной журналисткой?

Сегодня ночка выдалась дурацкая. Сначала папе несколько раз звонили из Америки. Потом под окном до трех утра распевали «Ой, мороз-мороз…». Наташа боролась с искушением окатить «помороженных» водой. «Нашли что петь, – сердилась она. – На улице – жарынь, а у них – мороз».

Апрель в этом году вышел по-июньски душным, и Наталье было жарко даже под тонкой шелковой простыней. Она попробовала спрятаться от телефонных

звонков и уличных песен под подушкой – не вышло, чуть не задохнулась.

Наташиному любимцу, хомяку Баскервилю, сегодня тоже не спалось. Зверь упоенно бегал по колесу в своей клетке, механизм надсадно поскрипывал. «Можно Баскервиля вместо этого, как бишь его… генератора использовать. Электричество пусть вырабатывает», – сонно подумала Наташа. И наконец провалилась в глубокое предрассветное забытье.

И приснился ей сон. Яркий, как фильм производства «Коламбия пикчерз».

Во сне происходил великосветский прием.

На белоснежных скатертях поблескивают серебряные блюда. Устрицы во льдах. Икра в тарталетках. Подмигивает глазками-маслинами поросенок. Искрятся бриллианты на дамах, бликуют очки у мужчин в смокингах… И она, Наташа, – тоже часть этого великолепного сборища. Видит себя со стороны – в темно-зеленом панбархатном платье, ридикюль расшит блестками, высокие каблуки скользят по паркету. И на душе легко-легко, будто прием в ее честь, и все вокруг – друзья, и сейчас произойдет что-то хорошее… «Но с кем же я здесь? – думает Наташа во сне. – Кто мой спутник?» Взгляд бредет по залу, упирается в чью-то стройную спину… Вот он! Отчего-то она знает, что это – он. Фигура – идеальная, смокинг сидит без единой складочки. Наталья подбирается ближе, ближе. Скорей заглянуть в лицо… Она нежно касается его плеча. Но мужчина играет с ней, выскальзывает из объятий.

– Ну хотя бы скажи, кто ты, кто?! – просит она, упорно пытаясь развернуть его лицом к себе.

– Ты меня скоро встретишь, – его голос звучит мягко и глухо.

– Когда? Сегодня? Завтра?

– Я найду тебя сам…

И яркая картинка распадается на лепестки осколков.

Наташа неохотно открывает глаза. Позднее утро. Солнце ломится в комнату. В квартире тихо. Хомяк сладко спит в своей клетке и еле слышно похрапывает.

«Я найду тебя сам!» – повторяет Наташа и выбирается из постели. Сон никак не идет из головы…

Она не спеша проходит по квартире. Мамин кабинет, заставленный медицинскими томами, с дипломами на стенах, – когда-то она так благоговела перед этой комнатой! – сегодня кажется маленьким и замшелым. Антикварная зеленая лампа, сбрызнутая паутинкой пыли, тоже представляется глупой и неуклюжей. Не то что благородные люстры с мириадами хрустальных подвесок, какие Наташа видела в своем сне, в огромном прекрасном зале…

«Не квартирка, а сущий курятник, – приходит в голову Наталье, – потолки-то какие низкие… Примитивно мы живем. А как шикарно все было на приеме! Попасть бы туда по-настоящему…»

Она увидела в зеркале собственное размечтавшееся лицо и расхохоталась. Что за чушь в голову лезет – особенно по утрам, пока кофе не попьешь. Дворцы, подумать только. Сейчас в бомжовской столовке она небось такой дворец увидит!

Наташа сходила в ванную за губкой, бережно протерла мамину зеленую лампу. Подняла с пола и примостила на место «Болезни климактерического периода». Быстро позавтракала фотомодельными мюслями и совсем не фотомодельной шоколадкой с орехами, облачилась в скромные джинсы-бананы и широкую футболку и отправилась на задание.

Задание, прямо скажем, не вдохновляло. Пугало даже. О чем же их спрашивать, этих бомжей? «Расскажите, пожалуйста, как вы дошли до такой жизни… А теперь, будьте любезны, пару смешных историй… Каких? Да любых! Мне завотделом расследований велел, чтобы были…»

Чушь какая-то получается… Запорет она первое задание в отделе расследований, как пить дать запорет. До чего же жаль, что ее не послали в шейпинг-клуб…

К метро она шла не спеша, изучала по дороге ассортимент окрестных магазинчиков и палаток. В подземке настал черед книжных и газетных ларьков, а в переходе она долго стояла перед витриной с театральными билетами. В Большом скоро премьера, «Дочь фараона» с Ниной Ананиашвили. Билеты дорогущие, никакой заначки не хватит. Может, у папы выклянчить? На культурное развитие?

Наташа вздохнула и оттащила себя от билетных искушений.

«Хватит бредить. Напишу про бомжей, получу гонорар и тогда куплю билеты на «Дочь фараона». Как взрослый человек».

…Бомжи оказались совсем не страшными. А столовая – чистой, светлой и даже с претензией на уют. Занавесок на окнах, правда, не имелось – зато по стенам развешаны картины непонятного содержания: Малевич какой-то. За длинным деревянным столом собрались в основном чистенькие старушки. Явно не бомжи, а просто одинокие люди. Наташе даже показалось, что приходят они сюда не столько поесть, сколько пообщаться.

Бабульки дружно и одинаково отвечали на Наташины расспросы:

– Пенсии не хватает, дочка, вот сюда и ходим… Кормят как? Да нормально, в войну хуже питались…

Бабулечки проворно ухватывали со стола нарезанный черный хлеб, прятали его в целлофановые пакеты.

– Неужели у них на хлеб денег нет? – с состраданием спросила Наташа директора столовой (тот неотлучно сопровождал ее и чутко ловил каждое слово, брошенное старушками).

Директор энергично замотал головой:

– Не, это они для голубей берут. Вон, посмотрите, лавочку на улице, рядом с входом птицы всю обгадили.

– А настоящие… – Наташа смутилась и выпалила неприятное слово, – бомжи к вам приходят?

Директор хозяйским оком осмотрел столовую. Сказал радостно:

– Вон Васька-бомж. За закусью к нам пришел.

Васька расслышал, заулыбался, сверкнул парочкой стальных фиксов. Доложил радостно:

– На ноль пять только и набрали!

Он аккуратно заворачивал две котлеты в старый номер «Вечерки». Сказал просительно:

– Слышь, начальник, может, добавки дашь?

– Кыш отсюда, – нахмурился директор.

Васька поспешно прошмыгал к выходу.

Директор нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Наталья отчаянно соображала, о чем бы еще его спросить. Сесть он ей не предложил, они стояли в обеденном зале под любопытствующими взглядами посетителей.

– А финансирование у вас достаточное? – выдавила она.

– Финансирование, говоришь…

Она навострила ручку.

– Хрен собачий, а не финансирование, – с досадой обронил директор и добавил: – Извините, девушка!.. Смех куриный, а не финансирование. Гроши!

И замолчал.

– А меценаты у вас есть? – отчаянно продолжила Наташа, густо покраснела и поправилась: – Ну, спонсоры…

– Спонсоры! – пренебрежительно подхватил директор. – Конечно, спонсоры есть! Куда же без них!.. Хлебозавод вот есть. Он нам свой возврат присылает. Буханки, те, что не купили, с плесенью… Из совхозов тухлятину шлют… Яички там… Молоко скисшее… Колбасу просроченную везут из магазинов… Есть, есть спонсоры!..

В директорском кармане тренькнул мобильный телефон.

«Вот тебе и скудное финансирование, – пронеслось в голове у Наташи. – На сотовую связь у него почему-то хватает».

– Две секунды, Рамазан…

Директор взял Наталью под локоть, подтащил ее к еще одному посетителю столовки и почти что бросил на скамью рядом с ним.

– Эй, Витек, расскажи ей про себя, – приказал шеф. И вернулся к своему телефону. Наташа расслышала: – Да, Рамазан, подъезжай. Товар пришел.

Витек – мужчина лет сорока с давно не мытой окладистой бородой – придвинулся к ней поближе, склонился к уху, зашипел несвежим дыханием:

– Нашу он жрачку распродает, нашу… На Выхинском рынке… У этого Рамазана там лоток…

Наташа распахнула глаза и замерла.

А Витек плотоядным взглядом пытался рассмотреть ее грудь, скрытую под широкой футболкой.

– Но как? Как это? – выдохнула Наташа.

– Пойдем на улицу, – скомандовал Витек. – Я тебе сейчас такое интервью дам!

…Наташа просидела за компьютером почти до утра. Она то лихорадочно набирала текст, то задумывалась, вглядываясь в свои поспешные записи. Этот Виталий с его толстовско-солженицынской бородой оказался для нее просто кладом. Какая бомба получится!

Часа в три ночи в ее комнату заглянул заспанный отец. Спросил сочувственно:

– Не пишется?

– Пишется, еще как! – Она загородила от отца компьютерный экран.

– Почитать дашь? – Папа спросил, похоже, из вежливости.

Ей очень хотелось показать ему почти готовый текст. Спросить его мнения и совета. Но сколько можно ходить на родительских помочах! Пора хоть что-то сделать самой. Абсолютно самой, без родительских подсказок.

Наталья поколебалась и сказала, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

– Нет, папуль, спасибо. В газете прочтешь… Надеюсь…

Отец подошел, потрепал ее по волосам, старательно отворачиваясь от текста на экране:

– Ну, как знаешь. Удачи тебе.

К пяти утра статья была готова. Наташа поставила будильник на восемь – с утра она позвонит на фирму и отпросится на денек с работы. Ничего страшного, она еще ни разу секретарскую свою поденщину не пропускала. А материал ждать не может. Его нужно в газету нести, срочно в номер!

Следующее утро – 21 апреля,

пятница.

Наташа Нарышкина.

Дмитрий Полуянов склонился над ее статьей. Наташа напряженно ждала, притулившись на кончике жесткого стула. Читал Полуянов внимательно, не то что ее предыдущая кураторша Кленова из отдела женских проблем. Та просматривала текст за пару минут, швыряла его в ящик стола и говорила туманно: «Будет ждать своего звездного часа!»

Дмитрий изучил наконец выстраданные Натальей за ночь шесть страниц. И снова вернулся к началу статьи. «Неужели по второму кругу пойдет?» – удивилась Наташа. Но Полуянов перечитывать материал не стал. Внимательно взглянул на Нарышкину. Сказал мягко:

– Хлестко пишешь. И стиль чувствуется…

Она почему-то ждала других слов. А Дмитрий продолжал:

– Этот Виталий, на которого ты ссылаешься, он кто?

– Да он сказал, что инженер, – сказала Наташа и неуверенно добавила: – Кандидат наук.

– Ага, – удовлетворенно произнес Полуянов. – А фамилия?

Наташа смутилась:

– Он просил не указывать. Боится, что директор столовой ему мстить станет. Но мне сказал. Виталий Капустин его зовут.

Полуянов отреагировал непонятно:

– Значит, опять Капустин… Высокий, немытый, борода черная? Наташа отпрянула от полуяновского стола.

– Вы… вы его знаете?

Дмитрий вздохнул. Включил чайник, потянулся за банкой с кофе. Наташа нетерпеливо потребовала:

– Ну скажите же!

Полуянов мягко ответил:

– Видишь ли, Наташенька… Этого Капустина знают все. Я имею в виду – все редакции. Он шизофреник, хронь. Больной человек, понимаешь? Везде заговоры видит. Недавно я тут очередное его письмо читал… Как там, бишь, было… ФСБ, ЦРУ и ФБР совместно ставят опыты на людях, для чего облучают его, капустинскую, квартиру специальным психотронным излучателем… Он даже схему этого самого излучателя нарисовал… Забавный дядька…

Полуянов, заметив, что она расстроилась, слегка коснулся Наташиной руки:

– Ты в это веришь?

Она опустила глаза. Виталий очень складно рассказывал ей… И про директора столовой абсолютно уверенно говорил… Что продукты, присланные благодетелями, проходят через цепочку посредников, а затем оседают на московских оптовых рынках… Даже цепочку эту нарисовал – стрелочки, четырехугольники, почему-то шестиконечные звезды…

Дмитрий протянул ей чашку с кофе:

– Не горюй, подруга. С кем не бывало!. Запомни только на будущее. Никогда нельзя брать всю информацию из единственного источника. Потому что этот источник может оказаться лицом некомпетентным. Или заинтересованным. Или просто психом, как тебе попался.

Первым желанием было разреветься. Залить слезами всю полуяновскую футболку. Дима смотрел на нее так сочувственно… Но Наталья сумела взять себя в руки. Это уж совсем никуда не годится – рыдать на глазах у Полуянова. Тем более что ей он, кажется, нравится. Нравится не только как журналист. Есть

в нем что-то еще. Изюминка чувствуется. Фигура стройная, глаза умные и добрые. Редкое сочетание. Вдруг он и есть принц из ее сна?

Она мужественно хлебнула кипятка-кофе. И постаралась объяснить слезы, выступившие на глазах:

– Ого, горячо как!

Полуянов улыбнулся. Сказал панибратски:

– Молодец, Наташка. Головы не теряешь.

Она спросила, не скрывая ужаса в голосе:

– И что мне теперь делать? Опять в эту столовку ехать?!

– А ты хочешь?

– Если надо – поеду, – мужественно сказала Наташа.

– Ладно уж, живи, – разрешил Дмитрий. – Я сам туда сгоняю. Разберусь, кто такой Рамазан – так звали того, с кем директор по телефону о товаре говорил?

– Да там все написано, – пробормотала Наташа.

– Фактура в статье неплохая, – похвалил Дмитрий. – Зарисовка про бабулек – вообще высший класс. Знаешь что? Если я чего в этой столовке нарою – опубликуемся под двумя фамилиями. Наталья Нарышкина – Дмитрий Полуянов. Гонорар пополам, плюс с тебя, за науку, тортик. Годится?

– Тортик и бутылку! – благодарно улыбнулась Наташа.

– Ну, бутылку… – поморщился Полуянов. – Бутылка – это пошло. Тем более что я вообще-то предпочитаю бургундское…

– Будет… – пролепетала Наталья.

– Да не купишь ты со своего гонорара ни бургундского, ни анжуйского!.. И не переживай! Давай сейчас кофейку попьем – и иди отдохни, развейся. А завтра, в субботу, приезжай в редакцию. Здесь поспокойней будет, а я как раз дежурю. Постараюсь подыскать тебе темку… Можешь в субботу-то приехать?..

Наташа, хоть и собиралась в субботу с родителями на дачу, благодарно посмотрела на Полуянова и торопливо сказала:

– Конечно, приеду. Во сколько?

В то же самое время.

Алексей Данилов.

Роман меня слушался. Герои получались. Мозг работал четко. Только сидеть я уставал. Ерзал нещадно, принимал самые диковинные позы – лишь бы размять затекшее от упоенного умственного труда тело.

К шести вечера я вполне освоил курс компьютерной камасутры. В смысле – трахался с ноутбуком по-всякому. В каком положении только не работал. Валялся на диване с компьютером перед носом. Сидел по-турецки на ковре, шныряя пальцами по клавиатуре. Сворачивался в клубок на кровати и пробовал печатать, лежа на боку. «Пора бы остановиться, – мелькало в голове. – А то и глаза подсажу, и остеохондроз какой-нибудь заработаю».

Но остановиться не получалось. Пальцы, казалось, примагнитились к клавишам, а глаза – к экрану. Мне никак не хотелось бросать сейчас.

Они ехали по утреннему шоссе. Они просто ехали по раннему холодку. Они вдвоем, Андрей и Наталья. Машин не было – ни встречных, ни попутных. Только двое, юноша и девушка, да музычка из приемника, да туман в расщелинах.

На обочине торчал джип. Классная тачка. Спят? Но… Он стоял поперек обочины. И еще. Рядом с машиной валялся человек.

– Проезжай, – нервно сказала Наталья.

Андрей ударил по тормозам. Сдал задним ходом.

Рядом с джипом на земле лежало два трупа. Еще один сидел, запрокинувшись, на водительском месте. Лобовое стекло – вдрызг. На осколках – пятнышки крови.

Андрей открыл заднюю дверь.

На сиденье валялся холщовый мешок. Андрей раскрыл его.

Там лежали пачки долларов. Много, очень много долларов.

Я рывком отскочил от компьютера. Нервно прошелся по квартире.

В доме стояла абсолютная тишина. Ни голосов на лестнице, ни визга детей во дворе. А вроде бы самое время для жильцов возвращаться с работы. Задерживаться у подъезда, чтобы перемолвиться словечком с соседом. Выгонять малышню на прогулку во двор. Я машинально – лишь бы разорвать непривычную тишину – щелкнул пультом от музыкального центра. Пусть хоть радио поорет. Но пульт не реагировал. Батарейки опять сели? Я не поленился подойти к музыкальному агрегату и вдавить кнопку power. Ноль эмоций. Центр накрылся. Я полез было под кровать, где держал чемоданчик с отвертками и прочим инструментарием. В нос ударило пылью. Открывать чемодан расхотелось. Зачем мне это сейчас? Прекрасно обойдусь и без музыки.

Я вынырнул из-под кровати, присел на диван, принялся бесцельно разглядывать потеки на обоях.

Мешок перекочевал в Андреев «Москвич».

Ни единой машины не прошло ни в ту, ни в другую сторону. Июнь, пять утра, воскресенье.

Он снял джип с передачи и ручника. Покойник мешался.

Андрей плеснул в салон бензина из своей канистры.

Обтер платком рукоятки и дверные ручки.

«Помоги мне!» – крикнул Наташе.

Она подошла – за все время, прошедшее с момента остановки, она не промолвила ни слова.

Джип стоял очень удачно. Нос сам устремлен в обрыв.

Он и она толкнули машину. Автомобиль легко – слишком легко! – тронулся с места, клюнул носом в обрыв, а затем понесся: под углом, все скорее и скорее!

Ба-бах! Авто с разгону налетело на дерево. Ударилось. Отскочило. Перевернулось.

Бу-бум! Огненная вспышка ослепила все вокруг. Наташа отвернулась, пригнулась. Высоко, далеко полетел один из огненных осколков.

Джип пылал.

Понемногу от него занялось и дерево.

«Едем», – бросил Андрей.

Они не знали, что все только начинается.

Я откинулся от компьютера. Конец второй главы. Долго в таком режиме я не выдержу. Пожалуй, это было слишком смелым решением – записать себя в полные затворники. Только есть, спать и сидеть за компьютером. Позвонить, что ли, Верке? Она тут же примчится ко мне – к ее-то квартире прилагаются истерическая мамаша и дедуля-маразматик. Так что наши с ней рандеву обычно проходят в моей холостяцкой берлоге. Я представил, как Верка шныряет по комнатам, сует свой нос-картошку во все щели: «А-ле-еша, – говорит со своим сексуальным распевчиком, – зачем тебе столько пиццы? А-алеша, почему у тебя столько пыли?» Нет уж: ну ее, Верочку, в болото. Пускай дома сидит, «Зиту и Гиту» смотрит.

Я взглянул на часы – половина девятого вечера. Начал действовать льготный телефонный тариф. Алику в его Ванкувер, что ли, звякнуть? Пожалиться на судьбину, расспросить, как у него дела идут?

Тишина и одиночество положительно действовали мне на нервы. Я уже почти решил потратиться на международный разговор, когда телефон зазвонил сам. Вполне забыв, что еще пару дней назад я поклялся себе не отвечать на звонки, я схватил трубку. Услышал сплошной шип и хрип. «Але, слушаю, говорите! – надрывался я. Без результата. Тогда добавил: – Ну и хрен с вами». И положил трубку. Телефон тут же зазвонил вновь.

– Сам ты хрен, – услышал я до боли знакомый голос.

– Димка! – заорал я. – Старый телевизор! Ты где?

– Где-где! В Москве. В столице нашей Родины. Утром приехал.

– А чего ж не звонил?

– Ну вот, дела сделал и звоню, – важно ответил он. Димка иногда бывал чертовски важным… – Только у меня поезд через час.

– Пошли ты на фиг свой поезд! Потом поедешь! Ты сейчас где?

– На вокзале. На Павелецком.

– Какой вокзал?!. Давай хватай тачку и приезжай.

– Да мне завтра на работу… – В Димкином тоне я не почувствовал уверенности. – Мне надо в ночь уехать.

– Езды – шесть часов! Поедешь позже! Тебя что, дети малые в твоем Орле ждут?.. Или красавица блондинка?

– Слава богу, нет, – хмыкнул Дима.

– Крутобедрая мулатка?

– Нет, – засмеялся он.

– Тогда, может быть, негр с огромным, э-э, копьем?

– Ориентацию не менял, – опять засмеялся Дима.

– Ну слава богу! Тогда слушай сюда. Стой на вокзале у главного подъезда – я сейчас приеду. Хоть провожу тебя.

– Платочком помашешь?

– И платочком тоже. Всем, чем могу, помашу.

– Охальник. Ладно, жду. Пивком пока размяться можно?

– Не более одной бутылки.

– Йес, сэр!

За что я любил Димчика – так это за то, что его легко на что угодно подбить. Особенно на всякие алкогольные непотребства. И я уже был уверен, что он никуда не поедет.

По крайней мере, на ближайшем поезде.

Я рывком натянул джинсы, в денежном ящике не глядя выцепил сколько было рублей – гулять так гулять! – и скатился по гулкой лестнице во двор.

Пару часов назад мне казалось, что двор вымер. Сейчас здесь кипел теплый весенний вечер. За столиком на детской площадке мужики забивали козла, рядом на качелях скрипели дети. Армен возился с машиной. Я хотел просвистеть мимо, но он успел меня заметить.

– Леш, привет… Ты спешишь?

– Чертовски.

Он понурился:

– Жаль.

Я хотел на этом разговор и закончить, помчаться дальше. Но все же притормозил, спросил соседа:

– Чего опять случилось?

– Ручник не держит. А у меня техосмотр. Я завтра хотел…

– Тросик подтянул?

– Обижаешь… Тросик подтянул. Гайку подтянул… Все подтянул. Но все равно не держит! Мистика какая-то…

Обычно я обожаю решать машинные задачки. Но только не в тот момент, когда в Москву приезжает мой, считай, единственный друг. Я спросил:

– До завтра не терпит?

– Да я хотел завтра в ГАИ ехать. А без ручника какой смысл?.. Сразу пошлют.

– А ты после обеда езжай. С утра все равно народу много. Поедешь к трем. А я спущусь часиков в десять – разберемся с твоим ручником.

– Ты разве не на работе будешь? – удивился Армен.

– Не, я в отпуске. Ну что, лады?

– Лады, лады, – вздохнул он.

Я пожал его кисть и помчался спортивным шагом по родной Металлозаводской улице. Здесь такси сроду не поймаешь – слишком безлюдно. В поисках бомбилы мне пришлось бежать до перекрестка с Федеративным проспектом. А тут первая же машина согласилась доставить меня на Павелецкий вокзал.

…Конечно, на ближайшем поезде Димка в Орел не уехал. Мы изучили расписание. «В час двадцать поеду», – решил Дмитрий. Я встал в очередь в кассу и попросил его пока сгонять за пивом. В расписании я присмотрел один поездок. Хороший такой, пассажирский. С отправлением в пять двенадцать утра. Почему-то я был уверен, что Димка в конечном итоге не обидится на меня за такое самоуправство.

…Потом было пиво в скверике у вокзала. Но шум поездов мешал, напоминал о том, что Димка скоро уедет. И я предложил поводить его по кривым московским переулкам: «Здесь Замоскворечье недалеко». Сначала Дмитрий постоянно поглядывал на часы. Потом мы выпили еще по пиву, и он стал смотреть на часы уже реже. В темной, засиженной кошками подворотне мы обнаружили вполне приличный барчик. Здесь подавали бочковую «Балтику» и очищенные спинки таранок. Бармен обсчитал нас рублей на двадцать и приветливо пригласил «сидеть хоть до утра». Мы устроились за угловым столиком на клетчатом диванчике. Над диваном висело бра – кроваво-красное, как в борделе. Тени от лампы искрились в гранях пивных кружек. Музыка играла еле слышно, и казалось, что вся Москва, включая задремавшего бармена, крепко уснула. В живых остались только мы вдвоем.

И очень даже в живых. Об этом свидетельствовали и холодное пиво, и таранки, и анекдоты, и хохот, и новости о друзьях-товарищах, и обсуждение шансов наших футболистов в отборочных играх чемпионата мира и наших хоккеистов на первенстве в Питере.

Потом мы разбудили бармена, взяли еще по пиву с двойной порцией рыбы и обсчетом уже рублей на сорок. И от низменных материй перешли к возвышенному. Димка рассказывал о своей новой роли: «Я Гамлета – прикинь! – играю, Гамлета, едреныть! Хоть и в Орле – а прынца Датского! – И проникновенно прочитал на весь кабак: – Позорно ли смиряться под ударами судьбы – иль надо оказать сопротивленье? И, ополчась на море смут, сразить их – противоборством?!» Я в ответ рассказал ему про роман. В два ночи Димон взглянул на часы. Помахал рукой: «Поезд Москва – Воркутю давно в путю! Блин, надо новый билет брать!».

Я триумфально вытащил из кармана билет: «Ты едешь в пять утра!» – «Выпьем за это?» – «Выпьем!»

Потом в бар забрела компания утомленных, ярко крашенных особ. «Валькирии явились!» – провозгласил Димка. Я подозревал, что явились вовсе не валькирии, а ночные бабочки, отработавшие смену. Но спорить с другом не стал. Мы купили дамам бутылку сухого «Абрау-Дюрсо».

– На сегодня прием окончен, – сообщила мне одна из девиц. Я ее успокоил, сказав, что в их услугах мы не нуждаемся. Мне показалось, что крошка расстроилась…

Потом мы выползли из кабака. В животах и головах что-то плескалось. Мы долго блуждали по кривым переулкам и приставали к редким прохожим с дурацким вопросом, где вокзал. Нам отвечали, что где-то рядом, но вот где именно – никто не знал. Пришлось ловить такси. Шофер услышал пункт назначения и подло ухмыльнулся: «Полтинник!» – «Шеф, тр-рогай!»

До вокзала мы доехали за две минуты. Еще осталось время выпить пива на перроне.

Состав подали в пять утра. Пассажиры, зевая, доставали билеты и ныряли в вагон.

Сонная проводница куталась в тулупчик.

– Что ли, оба едете? – Она с неодобрением покосилась на наши бутылки с пивом – «на посошок».

– Один, один держу свой путь! – трагически ответствовал Дмитрий.

– Ну так давай полезай в вагон. А то сейчас закрою.

Мы не стали с ней спорить. Обнялись на прощанье. Димка запрыгнул в вагон. Потом мы чокались через пыльное стекло бутылками с пивом.

На Москву надвигалось утро.

Рассвет принес с собой запах лета. Под бодрый пересвист воробьев я чувствовал себя сильным и всемогущим. Хотелось улыбнуться усталой торговке пирожками, похлопать по плечу усача-носильщика и приласкать румяную стрелочницу. Я не спеша шел по перрону и улыбался. В ответ улыбок, правда, не получал. Вокзальная публика косилась на мою довольную физию весьма неодобрительно.

Метро еще не открылось. Я произвел ревизию бумажника. Вздохнул – покутили мы хорошо. Принялся шарить по карманам и едва набрал рублей тридцать. Вчера до вокзала меня довезли за восемьдесят. А сейчас, тем более по утрянке, мне уж точно ничего не светило. Ждать, пока начнут пускать в метро, не хотелось. Я решил пройтись пешком. Дойду до Таганки – а там и шесть часов, можно ехать.

Я вышел на Садовое. Шагалось легко. Робкий рассвет плавно превращался в день. Он обещал быть опять не по-весеннему жарким. Мимо промчалась поливалка. Забрызгала мне кроссовки. Я хотел было разозлиться, показать ей кое-что вслед, но передумал. Слишком безоблачно на душе.

У поливалки зажглись тормозные огни. Машина остановилась. Из кабины выглянул толстячок в униформе:

– Эй, парень, я чего, облил тебя?

– Да ладно, подумаешь, фигня, – великодушно простил его я.

– А ехать куда?

– В Новогиреево.

– Денег нет?

Я честно признался:

– Есть. Тридцать рублей семьдесят копеек.

– В Новогиреево, говоришь… Ладно, запрыгивай. Шоссе Энтузиастов по дороге польем. Давай сюда свой тридцатник.

…Поливалка доставила меня почти до дому, до поворота на Металлозаводскую. Пока мы ехали, рассвет перешел в сочное весеннее утро. Я не спеша двигался к дому, а навстречу, в сторону метро, уже спешили хмурые и сонные москвичи. Видок у них был – будто вот-вот дадут в морду. Понять их можно. Более того: я их очень даже хорошо понимал. Еще бы: ты, невыспатый, чухаешь к станку, а тут тебе навстречу идет веселый хлыщ (то есть я), явно прокутивший ночь напролет, готовый забыться в сладком алкогольном сне.

Пока поливалка мчала меня к дому, в голове уже сложился преподробнейший план третьей главы. Может, и спать не ложиться? Сразу взяться за перо – за ноутбук, то бишь? Тем более – я чертыхнулся про себя – что я обещал соседу посмотреть его ручник. На десять утра, кажется, мы стрелку забивали? Рановато будет.

На входе во двор я чудом увернулся от пожарной машины, выезжавшей на полной скорости. Отпрыгнул, подвернул ногу, показал пожарным средний палец правой руки. В ответ машина нахально гуднула и умчалась. «Пожар, что ли, был?» Я ускорил шаг и принюхался. Но пахло только молодой травой и свежим бельем (безбалконные соседи сушили его прямо во дворе). Следов разрушений не наблюдалось. Я поднялся на свой третий этаж и обомлел. Из-за двери в мою квартиру неслась громовая музыка. «Гибралтар! Лабрадор!» – кричал Бутусов. И мерный стук барабанов. Боже правый, квартира ожила.

Что за черт! Гости? Но ключ я вроде никому не давал. Хозяйка заявилась? И слушает в шесть утра Бутусова?

Я отпер квартиру. Судя по всему, никого. Прошлепал прямо в кроссовках в гостиную. Пусто. Только музыкальный центр разрывается. Гоняет «Радио Максимум». Я выключил музыку. Странная у меня все-таки техника. Включаешь – не включается. Уходишь – орет.

В комнате было душно. Душно не по-апрельски. Странно – обычно в моей квартире прохладно даже в самую страшную жару. Или это со мной пиво злые шутки играет? Я решил открыть балкон, а заодно и посмотреть, как там моя «Феррари».

Подошел к двери – и мне стало нехорошо.

Нет, «копеечка» оказалась на месте. Только вся покрыта хлопьями отвратительной, грязно-белой пены. А вот береза, под чей шелест я всегда так сладко засыпал, отсутствовала. Не было ни завязывающихся листьев, развесистых ветвей, ни сучьев. Ничего не было. Один только ствол.

Обугленный, страшный остов.

Я сначала отпрянул от балкона. Неужели-таки допился до чертиков? Смешно, какие чертики. Что такое три, ну, четыре литра пива для молодого, здорового мужика?

Березу действительно сожгли. Вот почему и пожарная машина со двора выезжала. А я с улицы ничего не заметил – окна моей квартиры выходят на другую сторону… Но кому это понадобилось? Кому помешало роскошное, раскидистое дерево? Господи, зачем сожгли березу-то?

На обгорелый ствол было тяжело смотреть. Я оставил балкон открытым, но шторы задернул. Противно пахло гарью. И мертвым деревом.

Работать расхотелось совершенно. Ставить будильник на десять утра, чтобы бежать чинить ручной тормоз Армену, – тоже. Если надо – поднимется ко мне и разбудит. Мы с ним без церемониев. А может, он уже все сам сделал?

Внезапно я почувствовал, что чертовски устал. Прелесть раннего московского утра исчезла. Дурацкий все-таки город. Хулиганский и грязный. Деревья зачем-то жгут.

Я разделся, одежду бросил на пол. И мгновенно провалился в тяжелый, душный сон.

…Орали, казалось, прямо над моим ухом: «Скотина! Выродок! Убью!..» Кричали столь истошно, что я аж подскочил на своем диване. Машинально взглянул на часы – начало девятого. Я проспал всего час. И чего так вопить-то? Поджигателя, что ли, поймали?

Крики на лестнице продолжались. Я подошел к двери, взглянул в «глазок» – орут не у нас, ниже. И стучат в чью-то дверь. Кажется, на втором этаже. Стучат ногой, судя по звуку. И орет, надрывается разъяренный мужской голос: «Засажу, ублюдок! Под вышак подведу!»

Да в чем там все-таки дело?! Голова разламывалась. Ор и удары продолжались. Нет, поспать они мне не дадут. Надо встать и утихомирить мерзавцев. Кажется, кто-то еще, как и я, провел веселую ночку.

Я вернулся в комнату, подобрал с полу и натянул джинсы. Выглянул на лестницу. Дверь по соседству тоже открылась. На пороге стояла моя сонная соседка и коллега по работе Танечка Садовникова.

– Эй, Леш, что случилось-то?

– П-поджигателя поймали? – предположил я. Язык после часового алкогольного сна ворочался плохо, во рту чувствовались сплошные шероховатости.

Тут снизу донеслась новая серия ударов и ругани.

Я сбежал на один пролет вниз по лестнице. Глянул, что там творилось внизу, у квартир второго этажа. Узрел всклокоченного мужика в майке, трениках с пузырями на коленях и в ботинках на босу ногу. Тот орал и неистово лупил ногами в дверь квартиры Армена.

Армен не открывал.

Мужик, рвавшийся в квартиру, мне не нравился.

Явно бешеный.

Я сбежал еще на один пролет вниз, подошел и похлопал бешеного по плечу:

– Эй, мужик, ты чего?

Тот посмотрел на меня совершенно бессмысленными глазами.

– Чего стучишь-то, мужик? – повторил я вопрос.

Слова и действия давались мне с трудом, болью отзывались в бедной головушке.

Мужик неожиданно схватил меня выше локтя, да так крепко, будто сейчас оторвет от пола и размажет по стенке. Я инстинктивно – занимались и мы восточными единоборствами, занимались – ударил его по руке. Тот отпустил захват. Отступил. Кажется, наконец увидел меня. Но, похоже, даже не почувствовал боли. Теперь его глаза смотрели затравленно. Он пробормотал:

– Ее на «Скорой» увезли…

– Кого увезли? – Я решительно ничего не понимал.

Татьяна Садовникова, неугомонная соседка, тем временем прошмыгнула мимо нас во двор. А мужик продолжал повторять:

– Без сознания… Кровь… Плачет… Убью гада…

Мужик казался невменяемым. Пьяный? Но от него не пахло. Или от меня самого так несло, что я не мог различить его запаха алкоголя?

Из-за дверей уже показывались любопытные лица соседей. Какая-то незнакомая мне девица с ярко-смоляными волосами с третьего этажа не спеша прошествовала вниз. Она изо всех сил замедляла свой шаг по ступенькам и старательно вглядывалась в нас с мужиком.

Я потерял надежду добиться от дебошира объяснений, оставил его в покое (тот снова принялся стучать в дверь) и спустился во двор. Первым делом взглянул на окна второго этажа – там, где квартира Армена. Занавеска колыхнулась – дома явно кто-то есть.

Мне навстречу спешила Татьяна:

– Леш, смотри.

Я повернулся. Арменовская «шестерка» стояла посреди нашего дворового проезда. Вокруг машины толпились любопытные. Толпа с увлечением рассматривала что-то яркое, лежащее на земле. Я бесцеремонно втиснулся в ряды зрителей. Люди разглядывали смятую, с отвалившимся колесом, детскую коляску. В гуле голосов, в гуле собственной головной боли я расслышал:

– Машина… Поехала… Сама…

– Сама? Как сама?..

– Да сама!.. С ручника, наверно, сорвалась!.. А там они… баба с коляской…

– Да кто?.. С какого дома?..

– Да не с нашего…

– А кто?

– Мордвиновы, кажется, их звать…

– Ребеночка на «Скорой» увезли…

Я обошел арменовскую машину. На заднем бампере красовалась внушительная вмятина.

Татьяна Садовникова подошла ко мне, тронула за локоть, развернула к черноголовой любопытной девице – ее я мельком уже видел минуты две назад, покуда разбирался с мужиком на лестничной площадке:

– Леш, это Маргарита, моя подруга.

Честно говоря, сейчас мне совсем не до Маргарит. Что здесь происходит?

Арменовская машина покатилась и сбила коляску. Чего ж родители не среагировали?

А как им было реагировать – они ведь и не слышали ничего! Двигатель-то не работал, машина ехала бесшумно! Значит, неистовый мужик на втором этаже наверняка отец. Жаждет крови. И его понять можно.

Я подумал про Армена. Что теперь с ним будет? Он ведь ко всему еще и ЛКН – «лицо кавказской национальности». А за такие дела даже русского могут засудить лет на пять… Сбить ребенка. Хуже не придумаешь…

Почему я вчера не помог починить Армену стояночный тормоз? Но позвольте – разве он так уж нужен, этот ручник? Опытный водитель им никогда и не пользуется. Только «чайники», когда стоят у светофора на горке, ставят машину на стояночный тормоз – боятся, что покатится. А нормальные водилы всегда обходятся без него. Газку побольше – и погнал вперед, проблем нет. Чуть ли не каждый второй без ручника ездит. Я и сам никогда им не пользуюсь – чего зря силы тратить, тягать тяжелый рычаг вверх-вниз. И ничего. А на парковке всегда можно поставить машину на передачу. Тогда она сроду с места не сдвинется. Почему же Армен этого не сделал?

Не обращая внимания ни на Татьяну, ни на ее подругу, я снова втерся в толпу и протолкался к Арменовой «шестерке». Заглянул в окно. МАШИНА БЫЛА НА ПЕРЕДАЧЕ. Я присмотрелся. Нет, зрение, пусть и затуманенное похмельем, меня не подводит. Вторая передача: рычаг назад и влево.

Подошла Татьяна. Я сказал:

– А машина-то – на передаче.

У Татьяны аж рот открылся:

– Да брось ты. Быть не может.

– Смотри.

Танька заглянула в окно «шестерки». Ахнула:

– И правда… Но как же она тогда могла поехать?!

Я пожал плечами. Это хороший вопрос. Ладно, пусть у машины не действует ручник. Хорошо: пусть даже она не стоит на передаче… Но фенька-то в том, что в нашем дворе нет никакой горки. Никакой. Здесь ровная площадка. Ровная!

Кто-то толкнул машину? Прямо на коляску. Кто? И зачем?

Татьяна растерянно сказала:

– Чертовщина какая-то. Сначала дерево, теперь это.

– А что – дерево? – механически спросил я.

Татьяна пожала плечами:

– Ты что, не видел?

– Видел. Ну и что?

– Говорят, само загорелось.

– Как – само?

Я помолчал, пытаясь переварить ее слова. Что, действительно, за ерунда… Но ответа я не получил. К нам подбежала Танина подруга. Затараторила, докладывая последние новости:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Журнал боевых дежурств.

2

Оперативного штаба.

3

«Новое сообщение» (англ.).

4

«Нас сейчас нет дома. Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала, и мы вам перезвоним» (англ.).

5

«Хуан! Хуан! Пожалуйста, очень срочно позвони мне!.. Пожалуйста! Ты очень нужен!.. (англ.).

6

Хранителей экрана (англ.).

7

«Уничтожить» (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/poka-angely-spyat

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити